

ИЭН

БЭНКС

ВОРОНЬЯ ДОРОГА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Иэн Бэнкс

Воронья дорога

«Издательство АСТ»

1992

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Бэнкс И. М.

Воронья дорога / И. М. Бэнкс — «Издательство АСТ»,
1992 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-110079-7

Роман «Воронья дорога» – самое шотландское из всех произведений Бэнкса – очень многогранен: это и семейная сага, и традиционный «роман взросления», и детектив. Перед читателем разворачивается история вступления во взрослую жизнь юноши Прентиса – история, в которой ему предстоит пережить счастье и муку первой любви, познать настоящее большое горе и даже провести смертельно опасное расследование таинственного преступления. Однако Бэнкс не был бы самим собой, не преврати он «Воронью дорогу» в крепкий и пряный литературный коктейль, в котором психологический реализм самым естественным образом сочетается с изощренным модернизмом. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110079-7

© Бэнкс И. М., 1992

© Издательство АСТ, 1992

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	48
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Иэн Бэнкс

Воронья дорога

Iain Banks
THE CROW ROAD

© Iain Banks, 1992

© Перевод. Г. Корчагин, 2018

© Примечания. А. Гузман, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Снова посвящается Энн, и еще спасибо Джеймсу Хейлу, Мик Читэм, Энди Уотсону и Стиву Хаттону

Глава 1

В этот день взорвалась моя бабушка.

Я сидел в крематории, внимал похрапыванию дяди Хеймиша под баховскую Мессу си минор и размышлял о том, что других причин для моего приезда в Галланах, кроме чьей-нибудь смерти, похоже, нет и быть не может.

Я посмотрел на отца: в гулкой стылой часовне он сидел через два ряда, в первом ряду кресел. Большая его голова с седеющей каштановой шевелюрой тяжело нависала над твидовым пиджаком; на рукаве чернела повязка – дань трагизму случившегося. Уши неторопливо и ритмично шевелились – очень похоже двигались при ходьбе плечи у Джона Уэйна. Мой отец скрежетал зубами. Может, сердился на бабушку: для своих похорон она заказала религиозную музыку. Но вряд ли она это сделала ему назло. Скорее всего, ей просто нравилась месса, и бабушка не подозревала, что клерикальная сущность сего произведения так противна ее старшему сыну.

Слева от отца сидел Джеймс, мой младший брат. Впервые за несколько лет я видел его без плеера; ему было явно не по себе, и он теребил свою единственную серьгу. Справа от отца восседала мать, худая и стройная. Она аккуратно заполняла собой черное пальто и служила постаментом такого же цвета шляпе в форме летающей тарелки. Вот НЛЮ резко накренился: мать что-то шепнула отцу. От этого движения во мне проснулась скорбь утраты. Должно быть, здорово сегодня чешутся родинки у безвременно ушедшей от нас бабушки, если она уже вернулась на этот свет в другом воплощении.

– Прентис! – Тетя Антонайна, которая сидела между мной и художественно храпящим дядей Хеймишем, потеряла меня за рукав и показала на мою ногу. Ее шепот и жест заставили меня глянуть вниз.

Нынче утром в доме тети и дяди, в холодной комнате с высоким потолком я облачился в черное. Скрипели половицы, изо рта шел пар. Мансардное оконце обледело изнутри, и вид на Галланах застыло кристаллическим узором. Я натянул черные трусы, специально из Глазго привезенные, белую рубашку (свежачок от «Маркса и Спаркса»; прохладный хрусткий хлопок еще хранил упаковочные складки) и черные «пятьсот первые». Сидя на кровати, я дрожал и пялился на две пары носков: черные и белые. Собирался надеть черные, но тут только сообразил, что какая, на хрен, разница, ведь поверх носков будут «мартенсы» – девять дырочек, две одинаковые пряжки на берце.

Когда я был здесь на предыдущих похоронах (они же – первые похороны в моей жизни), мне такой прикид казался вполне адекватным. Но сейчас в меня, повзрослевшего и образовавшегося, вселились сомнения: а не буду ли я в «пятьсот первых», «мартенсах» и черной байкерской куртке выглядеть белой вороной? Я вынул из сумки белые кроссы «найк», на пробу сунул в один ногу, другую сунул в ботинок, но шнуровать поленился. Стоя перед косо висящим зеркалом в полный рост, я дрожал и выдыхал белые клубы, а половицы скрипели, и из кухни пер запах жареного бекона и подгоревших гренок.

Пусть будут кроссовки, решил я.

И вот теперь в крематории я смотрел на них, и не нравились они мне. Задрипанные-залипанные. На строгом черном граните пола часовни смотрелись, мягко говоря, не в тему.

Опаньки! Один носок черный, другой – белый! Я заерзал на сиденье, потянул штанины книзу, чтобы прикрыть свой позор.

– Мудила хренов! – прошептал я. – Ой!.. Пардон, тетя Тоуни.

Тетушка Антонайна – шар подкрашенных розовым волос над черным пеньком воротника, точно сахарная вата на катафалке, – хлопнула меня по кожаной куртке.

– Пустяки, дружок, – вздохнула она. – Уверена, старушка Марго не обиделась бы.

– Это точно, – кивнул я.

Снова мой взгляд опустился на кроссовки. И только сейчас я заметил на носке правого отчетливый след протектора. Я закинул левый «найк» на правый и без особой надежды на успех потер черный «селечный скелетик». И вспомнил, как полгода назад вывозил старушку Марго из дома и катил мимо надворных строений и дальше, по дорожке под кронами деревьев, к озеру и морю.

* * *

– Прентис, что там у вас с Кеннетом?

Двор был вымощен булыжником, инвалидное кресло кренилось и подпрыгивало.

– Мы поссорились, бабуля, – ответил я.

– Это я и сама вижу, чай, не дура.

Она оглянулась на меня. В серых глазах, как всегда, горел огонек бодрости. Волосы у нее тоже сделались серыми и здорово поредели. Между ветвями дубов проглянуло солнце, и я под седыми прядями увидел бледную кожу.

– Да, бабуля, знаю: вы умная.

– Ну и?.. – Она показала клюкой на постройки. – А давай-ка проверим, там ли еще тачка. – Бабушка Марго снова оглянулась на меня, и покотил я кресло заданным курсом, к зеленым двустворчатым воротам одного из гаражей.

– Ну и?.. – повторила бабушка.

– Бабуля, тут дело принципа, – вздохнул я.

Мы остановились у ворот гаража, и она клюкой отодвинула засов и надавила на створку, да так, что слегка прогнулась планка. А затем, вонзив клюку в образовавшийся проем, налегла на нее и заставила двинуться вторую створку, стержень шпингалета которой проскрежетал по выточенной в бетоне канавке. Я чуть откатил кресло назад, позволяя створке распахнуться. В падающих через проем солнечных лучах кружились пылинки, а дальше было темно. Мне едва удалось различить чехол из тонкого зеленого брезента, криво натянутый на некий предмет высотой мне по пояс. Бабушка Марго приподняла клюкой край чехла, а потом ухватила за него и – откуда только силы взялись? – сдернула одним махом. Чехол упал с передка машины, и я вкатил кресло с бабушкой в гараж.

– Дело принципа? – Она наклонилась вперед, присматриваясь к длинному темному капоту автомобиля, и снова потянула чехол, открыв уже и лобовое стекло. С колесных дисков были сняты покрышки и камеры, машина стояла на деревянных брусках. – Что еще за принцип? Не бывать в доме твоего отца? В твоём родном доме?

– Бабуля, давайте лучше я.

Сдернув брезент, я откинул его на багажник, и теперь стало видно, что заднее стекло отсутствует.

В снопе лучей прибавилось кружащейся пыли, и этот пыльный свет превратил бабушку Марго в силуэт сидящего человека; ее редкая до прозрачности шевелюра светилась подобием нимба. Бабушка глубоко вздохнула. Я посмотрел на машину. Длинная, очень красивая, старомодная в лучшем смысле этого слова. Зеленая краска скрывалась под слоем пыли. Крыша над зияющим проемом заднего окна – в царапинах и вмятинах, как и оголенная часть крышки багажника.

– Бедолага, – прошептал я, сочувственно качая головой.

Бабушка Марго выпрямила спину:

– Ты про меня или про нее?

– Бабуля...

Я запнулся, смекнув, что она меня видит очень хорошо, потому что солнце светит ей в спину. А я лицезрел лишь темный силуэт – разность между светом и мраком.

– Да ладно. – Она успокоилась и ткнула в колпак колеса палкой. – Так что там за глупые принципы?

Я отвернулся, провел пальцами по хромированной стальной полоске на задней дверце.

– Ну... папа на меня разозлился: я ему сказал, что верую... Ну, в Бога, типа того. – Я пожал плечами, не осмеливаясь взглянуть на бабушку. – Он теперь со мной не... Точнее, я теперь с ним не... Мы друг с другом не разговариваем, и я не бываю в доме.

Бабушка Марго поцокала языком:

– Вот так, да?

Я все-таки глянул на нее и кивнул:

– Так, бабуля.

– А как же отцовские деньги? Как же твое содержание?

– Ну...

Я замолчал: не знал, что и сказать.

– Прентис, на что же ты живешь?

– Да все у меня отлично, – солгал я. – Стипендии хватает. – Это я снова соврал. – К тому же мне дали грант. – Опять врака. – Да еще в баре подрабатываю.

Четвертая ложь кряду! В бар мне устроиться не удалось, и я продал свою «сиесту». Это такой «фордик» – невеличка, леноватый при разгоне с места. Покупатели намекали, что он убитый, а я спорил: фигня, тачка гаражная, просто гараж прохудился. Впрочем, тех денег давно след простыл.

Бабушка Марго долго вздыхала и качала головой. И укоризненно бормотала: «Ох уж эти мне принципы».

Она сама поехала вперед, но кресло тут же забуксовало на брезенте.

– Ты мне не поможешь?

Я подошел сзади, перекатил кресло через скомканный брезент. Бабушка открыла заднюю дверцу и заглянула в темный салон. Пахло тронутой плесенью кожей – мне этот запах напомнил детство, пору, когда в мире еще жило волшебство.

– Когда я в последний раз сексом занималась, это было здесь, на заднем сиденье, – мечтательно проговорила бабушка и оглянулась на меня. – Прентис, не надо так смущаться.

– А я и не...

– Все в порядке, это было с твоим дедом. – Худенькой рукой она похлопала по крылу машины и с улыбкой тихо добавила: – После танцев. – Бабушка снова посмотрела на меня, на морщинистом породистом лице – веселье, глаза блестят. – Прентис, да ты покраснел!

– Извините, бабуля, – ответил я. – Просто... ну... когда тебе не очень много лет и кто-то...

– Проехали! – Она захлопнула дверцу, и новая орда пылинок устроила себе дискотеку. – Прентис, все мы когда-то были молоды, и счастливы те из нас, кому удалось состариться.

Она покатила назад, колесо наехало на носок моей новой кроссовки. Я приподнял кресло и помог бабушке закончить маневр, а потом повез ее к двери. Там и оставил, а сам вернулся к машине, чтобы накинуть чехол.

– Между прочим, кое-кто из нас бывает молод дважды, – прозвучало из ворот. – Когда ты в маразме, без зубов, не держишь мочу и лепечешь, как младенец...

Она задумчиво умолкла.

– Бабуля, я вас умоляю!..

– Прентис, да не будь ты таким нежным. Стареть – это же просто здорово. Что на уме, то и на языке, и все тебе прощается. Конечно, родителей мучить – тоже удовольствие неслабое, но я от тебя ожидала большего.

– Ну извините, бабуля.

Я закрыл ворота гаража, стряхнул пыль с ладоней и снова занял свое место позади кресла. На кроссовке маслянисто чернел отпечаток колеса. Я покатил бабушку к дорожке, а вороны на ближайших деревьях подняли грай.

– «Лагонда».

– Что, бабушка?

– Машина. Это «лагонда-рапид-салун».

– Да. – Я улыбнулся сочувственно, пользуясь тем, что она этого не видит. – Да, знаю.

Мы выехали со двора и с хрустом покатали по гравийной тропинке к искрящимся водам озера. Бабушка Марго мурлыкала какой-то мотивчик; судя по голосу, она была довольна. Может, вспоминала тот перепахон на заднем сиденье «лагонды»? Я-то хорошо помню аналогичный случай из своей жизни – это было на таком же растрескавшемся, скрипящем, душистом чехле. Между прочим, первый мой половой акт – и было это через несколько лет после бабушкиного финального полноценного полового акта.

Такое в нашем роду случается.

* * *

– Леди и джентльмены, уважаемые родственники покойной! С одной стороны, как вы все, несомненно, понимаете, я не переживаю душевного подъема, стоя перед вами в столь тяжелую минуту, но, с другой стороны, я горжусь и почитаю за честь, что именно ко мне обратились с просьбой выступить с речью на похоронах моего дорогого клиента, горячо любимой Марго Макхоун...

Это бабушка упростила нашего семейного адвоката Лоуренса Л. Блока выступить на ее проводах в мир иной с традиционным спичем. Он худой, как карандаш, и тупой, каким только карандаш и бывает; он долговяз и, несмотря на солидный возраст, все еще броско черноволос. Мистер Блок у нас превеликий модник, вот и сейчас он разодет в пух и прах: темно-серый двубортный костюм и невыразимая фиолетовая жилетка, дизайнер которой вдохновлялся, должно быть, изысканиями Мандельброта (впрочем, если не судить строго, узор можно было счесть пейслийским). В мелком жилетном кармашке притоплены золотые карманные часы с маленькую сковородку величиной, от них тянется цепь – на такой только сухогрузы буксировать.

Мистер Блок всегда напоминал мне цаплю. Почему – сам не знаю. Может, дело в какой-то хищной неподвижности, а может, в ауре – ауре человека, знающего, что время на его стороне. Отчего-то мне казалось, что в похоронно-кладбищенской обстановке он себя чувствует до странности комфортно.

Я сидел и слушал адвоката и вскорости задумался: а) почему бабушка Марго выбрала Блока для выступления на ее панихиде, б) пришлет ли он нам счет за эту услугу и в) кого еще из родственников покойной посетили такие же мысли.

– ...Долгая история рода Макхоун в городе Галланах, рода, принадлежностью к коему она так гордилась и для коего... для коего так много пользы принесла на протяжении своей долгой жизни, отдаваясь этому занятию со всей присущей ей целеустремленностью. Мне повезло знать и Марго, и ее последнего мужа Мэтью и оказывать им услуги, а с Мэтью мы были знакомы еще с двадцатых годов, когда вместе учились в школе и были друзьями. Я прекрасно помню...

* * *

– Бабуля! Ну и ну!

– Что?

Бабушка глубоко втянула дым «данхилла», взмахом кисти закрыла медную зажигалку «зиппо» и возвратила ее в кармашек кардигана.

– Бабуля, вы курите!

Бабушка кашлянула и пустила в меня струю дыма, закрыла его сизой ширмой свои пепельные глаза.

– Ну да, курю. – Она поднесла к глазам сигарету, присмотрелась к ней, затем сделала еще затяжку. – Мне всегда хотелось курить, – объяснила она и перевела взгляд на холмы и деревья на том берегу озера.

По прибрежной тропинке вдоль Пойнтхауса я прикатил ее к древним пирамидам из камней. Сел на траву. Вода была подернута рябью от ветерка. На распахнутых крыльях парили чайки, а вдали изредка тревожили воздух легковушки и грузовики, с ленивым утробным рыком выскакивая из чрева горы на шоссе между деревьями или исчезая в туннеле.

– Хильда курила, – тихо произнесла бабушка, не глядя на меня. – Это моя старшая сестра. Она курила. И мне всегда хотелось.

Я сгреб пригоршню камешков с тропинки – бросать их в волны, что лизали скалу в метре под нами, почти у верхней приливной кромки.

– Только твой дед мне не позволял, – вздохнула бабушка.

– Бабуля, но вам же вредно, – запротестовал я.

– Знаю, – подтвердила она с широкой улыбкой. – Может, потому, когда умер дед, и не стала курить: врачи сказали, что это уже вредно. – Она рассмеялась. – Но мне теперь семьдесят два, и плевать я хотела.

Я утопил еще несколько камешков.

– Но ведь для нас, молодежи, это не слишком хороший пример.

– Прентис, уж не пытаешься ли ты мне внушить, что нынешняя молодежь ждет примера от стариков?

– Ну... – состроил я гримасу.

– Если это так, то вы – первое поколение от сотворения мира, которое так поступает. – Она затянулась табачным дымом; на ее лице читалась откровенная насмешка. – Лучше сделайте все то, чего старики не делали. Ведь все равно так получится, нравится вам это или не нравится.

Она кивнула своим мыслям, погасила до фильтра сигарету о ступицу колеса и щелчком отправила «бычок» в воду. Я неодобрительно хмыкнул.

– Люди редко поступают сознательно, Прентис, чаще они просто реагируют, – продолжила она будничным тоном. – Так было и в твоем случае. Отец хотел из тебя сделать убежденного атеиста, а ты возьми да ударься в религию. И вот результат... – Я будто услышал, как она пожала плечами. – Семьи с годами расшатываются. И тогда кто-то должен... привести все в порядок. – Она похлопала меня по плечу. Я повернулся. Волосы ее были очень белы на густозеленом фоне летних аргайлширских холмов и ярчайшей небесной синевы. – Прентис, у тебя есть какие-нибудь чувства к семье?

– Какие еще чувства, бабуля?

– Она для тебя что-то значит? Видишь ли, у каждого поколения есть свой шкворень. Кто-то, вокруг кого вращаются остальные, ты меня понимаешь?

– В какой-то степени, – ответил я уклончиво.

– Таким шкворнем был старый Хью, потом твой отец, потом – я, а дальше пошла эта катавасия с Кеннетом, Рори и Хеймишем – каждый считал себя шкворнем, да только...

– Папа точно мнит себя патриархом.

– Да, и у Кеннета, возможно, больше оснований притязать на верховенство в семье, хотя, мне кажется, Рори все-таки умнее. Твой дядя Хеймиш... – Она нахмурилась. – Этот паренек малость отклонился от прямого пути.

«Этому пареньку» было под пятьдесят, и он уже стал дедом. Не кто иной, как дядя Хеймиш, придумал «Ньютонову религию». И пытался затянуть меня, когда мы с отцом поссорились.

– Интересно, а где сейчас дядя Рори? – попробовал я отвлечь бабушку от бесперспективной и даже опасной темы, для чего и предложил нашу родовую игру. Все мы мастаки распускать слухи о дяде Рори, сочинять истории о его приключениях и выдвигать версии его местонахождения.

В прошлом многообещающий юноша, он не оправдал надежд родни, сделавшись профессиональным бродягой и фокусником-любителем. Надо заметить, лучше всего ему удался фокус с исчезновением. С его собственным исчезновением.

– Да кто ж знает? – вздохнула бабушка. – Может, умер. С тех пор как пропал, ни единой весточки от него.

– Ну, умер – это вряд ли, – отрицательно покачал я головой.

– Э, Прентис, да я слышу в твоём голосе уверенность! Что такое ты знаешь, чего не знаем мы?

– Я просто чувствую, – пожал я плечами и швырнул в воду целую пригоршню гравия.

– И твой отец думает, что Рори вернется, – задумчиво произнесла Марго. – Всегда о нём так говорит, как будто он где-то рядом.

– Дядя вернется, – кивнул я и улегся на траву, подложив руки под голову.

– Не знаю, не знаю, – сказала бабушка Марго. – По мне, так вполне может статься, что его уже нет на свете.

– Почему?

По небу была разлита густая сияющая синева.

– Ты мне не поверишь.

– Что? – Я снова сел, повернулся к ней лицом.

Бабушка Марго задрала рукав и обнажила белое в крапинах правое предплечье.

– Родинки, Прентис. Они мне много всякого рассказывают.

Я рассмеялся. Она даже не улыбнулась.

– Извините, бабуля, не понял.

Бабушка длинным бледным пальцем постучала себя по запястью, по большой коричневой родинке. Глаза сощурились. Она наклонилась ко мне и снова постучала по родинке.

– Ни шиша, Прентис.

– Ни шиша? – переспросил я, не зная, можно ли еще разок рассмеяться.

– За восемь лет – ни единого намека, ни малейшего ощущения. – Она говорила глухо, почти хрипло, а на лице – ухмылочка.

– Бабуля, сдаюсь: вы о чем толкуете?

– Да о родинках своих, Прентис. – Она изогнула бровь, со вздохом откинулась на спинку инвалидного кресла. – Благодаря родинкам я всегда в курсе того, что в моей семье делается. Когда обо мне заходит разговор, родинки зудят. И когда... что-нибудь особенное с кем-то происходит, они тоже чешутся. – Она нахмурилась. – Не всегда так бывает, но как правило. – И сурово глянула на меня. Ткнула в мою сторону клюкой. – Отцу ни слова! Он меня в дурдом упечет.

– Что вы, бабуля! Конечно, не расскажу. Да он бы и не упек...

– Откуда такая уверенность? – снова сузились ее глаза.

Я оперся на колесо инвалидного кресла.

– Так я правильно понял? Когда кто-нибудь из нас заговаривает о вас, чешутся родинки?

Она хмуро кивнула:

– Иногда чуть-чуть зудят, а подчас даже до боли. И чесаться они могут по-разному.

– А эта родинка отвечает за дядю Рори? – кивнул я скептически на большое пятнышко на правом бабушкином запястье.

– Верно. – Бабушка постучала клюкой по подножке инвалидного кресла, а затем подняла руку и впиалась в коричневое пятнышко на коже обвиняющим взглядом. – Уже восемь лет – ни шиша!

Я посмотрел на спящего коричневого оракула с нервным уважением, которое боролось во мне с воинствующим недоверием.

– Ну и ну, – сказал наконец я.

* * *

– ...Пережили ее дочь Ильза и сыновья Кеннет, Хеймиш и Родерик.

Милейший адвокат Блок кивнул на моего отца и на дядю.

Отец все скрежетал зубами, дядя Хеймиш перестал похрапывать и даже тихонько вздрогнул при звуке своего имени. Он открыл глаза, огляделся – как мне показалось, обалдело – и снова расслабился. Через секунду клюнул носом, задремывая.

Упомянув дядю Рори, мистер Блок окинул взором заполнивший часовню люд, как будто ожидал, что дядя Рори сей же момент эффектно возникнет перед ним и перед своими родичами.

– А также, несомненно, разделяет с семьей ее скорбь муж Фионы – младшей дочери усопшей. – Тут мистер Блок обрел сугубую серьезность и даже ухватился за лацканы пиджака, торжественно кивая на дядю Фергюса. – Мистер Эрвилл, – добавил адвокат, завершая кивок, который, по мне, сошел бы и за поклон, и одновременно прочищая горло.

Коленопреклонение содеяно, должная ссылка на былую драму прозвучала, и большинство людей, обративших взоры на дядю Фергюса, отвернулись.

А моя голова осталась в прежней позиции. Дядя Фергюс – довольно интересный типаж, и к тому же он (о чем наверняка осведомлен хищный мистер Блок), пожалуй, самый богатый и уж точно самый влиятельный человек в Галланахе. Но смотрел я не на него. Рядом с квадратным толстошеим Эрвиллом из рода Эрвиллов (траурно-великолепным в семейно-похоронном прикиде из шотландки, сочетававшей густо-фиолетовый, темно-зеленый и просто черный цвета) не сидела ни одна из его двух дочерей. Где же вы, Дайана и Хелен, длинноногие гении самой холено-лощено взлелеянной красоты, какую только можно купить за деньги? Но зато была его племянница – сногшибательная, замечательная, золотоволосая, персиковоликая, бриллиантовоглазая Верити из дома Эрвиллов. Короче, девочка из тех, на ком отдыхает глаз.

Но моим зенкам было не до отдыха: они с волчьим аппетитом пожирали эту изящно-угловатую половозрелую фигурку, упакованную в черное и сидящую, слава богу, с той стороны от дяди, которая была ближе ко мне. Верити пришла в белой стеганой лыжной куртке, но в стылом крематории почему-то сняла ее, оставшись в черной юбке, черной блузке, черных... (колготках? чулках? господи, какое же это удовольствие – просто воображать себе, что кроется под ними!) и черных туфлях. В свете, что лился с потолка через прозрачные панели, было видно, как трепещет гладкая ткань блузки: черный шелк, спадавший с девичьей груди тенистыми складками, натурально дрожал! Я почувствовал, как распирает мою грудь, как расширяются глаза; спохватившись, что так пялиться неприлично, я уже собрался отвести взгляд, как вдруг точеная головка с коротко стриженными светлыми волосами, с подбритыми висками повернулась и наклонилась: спокойное лицо обратилось ко мне, и я увидел глаза, притененные густыми, потрясающе черными бровями. Они медленно моргнули. Верити смотрела на меня.

Губы чуть растянулись в улыбочке, а взгляд бриллиантовых глаз сделался пронзительным – она заметила бедного Прентиса! Потом взгляд двинулся дальше, сфокусировался уже на ком-то другом и вернулся в исходную позицию. Я тоже отвернулся – чувства были напрочь рас-

стреляны этим прицельным взглядом, шея одеревенела. Верити Уокер ела мое сердце. Поглотила мою душу.

* * *

– А папина родинка?

– Вот. – Бабушка Марго постучала пальцем по своему левому плечу и рассмеялась. Мы продвигались между берегом и деревьями. – И зудит, между прочим, довольно часто.

– А моя? – осведомился я, бредя за инвалидным креслом. Байкерскую шкурку я снял, и теперь она лежала на бабушкиных коленях. Бабушка оглянулась на меня, выражение ее лица мне понять не удалось.

– Здесь. – Она хлопнула себя по животу и отвернулась. – Что, Прентис, скажешь, я не шкворень?

– Ха! – постарался я ответить как можно беспечнее. – Пожалуй, вы правы. А как насчет дяди Хеймиша? Где он?

– На колене, – постучала она по гипсу на ноге.

– Кстати, как нога, бабуля?

– Отлично, – проворчала она. – Через неделю снимут гипс. Скорей бы...

Колеса инвалидного кресла шуршали по травянистым обочинам дорожки. Я вспомнил, что хотел кое о чем спросить.

– Бабуля, а что вы хотели сделать с тем деревом?

– Да только ветку отпилить.

– Зачем?

– Белки сделали из нее трамплин для прыжков на птичью кормушку, вот я и решила положить этому конец.

Она клюкой сбила с тропинки в воду мятую коробку из-под йогурта.

– Сами? Может, стоило кого-нибудь попросить?

– Прентис, ты переоцениваешь мою недееспособность. Не кинься на меня та ворона, все было бы в порядке. Дрянь неблагодарная!

– А, значит, птица виновата?

Я представил себе, как лупоглазая черная птица пикирует на бабушку и сбрасывает ее с лестницы. Может, ворона смотрела «Омен»?

– Кто ж еще? – Бабушка Марго извернулась в кресле, подняв и клюку, и голос: – Несколько лет назад я бы одними синяками отделалась. Будь она проклята, хрупкость бедренных костей. Столько из-за нее в старости проблем, особенно у женщин. – Она коротко кивнула. – Так что считай себя счастливым.

– Как скажете, – улыбнулся я.

– Чертовы птицы, – пробормотала она, разглядывая шеренгу ясеней на краю поля с такой лютой ненавистью, что я уже был готов услышать протестующий вороний грай. – Ладно, – пожала она плечами. – Поехали-ка домой, мне пора.

– Как скажете, – повторил я и развернул кресло.

Бабушка Марго закурила новую сигарету.

– Ветка, между прочим, никуда не делась.

– Я о ней позабочусь.

– Ай да молодец!

Где-то в вышине подал голос жаворонок. Я катил бабушку по тропинке у воды. Вывез ее на шоссе, а затем – на гравиевую подъездную дорожку. И наконец мы пересекли залитый солнцем двор перед высоким домом с засиженным воронами фронтоном.

В тот же день я спилил злополучную ветку и поехал в Галланах, в гости к дяде Хеймишу – чаевничать. Отец подкатил, когда я с лестницы пилил живой дуб и отмахивался от слепней. Он, выйдя из «ауди», постоял и посмотрел на меня, потом скрылся в доме, а я все пилил.

* * *

Мой прапрапрадед Стюарт Макхоун был похоронен в особом гробу – отлитом из черного стекла умельцами, которые работали под его началом, когда он был управляющим фабрикой «Галланахское стекло» (теперь эту должность занимал дядя Хеймиш). Бабушке Марго достался вполне традиционный – деревянный – «ящик». Он уехал в стену, когда месса Баха вышла на последнее хоровое крещендо. Облицованная деревом дверь скользнула по желобам на свое место, загородила нишу, в которой скрылся гроб, а затем перед ней опустился небольшой пурпурный занавес.

Под присмотром надзирателей-похоронщиков мы все выстроились для безусловно важного и ответственного ритуала покидания часовни. Первыми вышли мои отец и мать.

– Тоуни, я же говорил, мы не там сели, – услышал я за спиной шепот дяди Хеймиша.

Тетя Тоуни лишь цыкнула: «Ш-ш-ш!»

Снаружи стоял тихий пасмурный день, было прохладно и сыровато. Тянуло дымком: где-то поблизости жгли палую листву. Глазам открывалась обсаженная березами дорога, что вела от крематория к городу и океану. Вдали, в дымке, северная оконечность острова Джюра казалась темным пастельным пятном, лепешкой на серой глади моря. Я оглянулся: повсюду запаркованные машины, между ними люди в темном стоят группками, толкуют о своем. В неподвижном воздухе белели выдыхаемые ими клубы. Дядя Хеймиш разговаривал с адвокатом Блоком, тетя Антонайна – с моей матерью, отец – с Эрвиллами. Фигурка отпадной Верити почти целиком пряталась за моим отцом, лишь выступал край снежно-белой лыжной куртки из-за твидового пальто моего старика. Я хотел было сместиться, чтобы видеть Верити лучше, но передумал: вдруг кто-нибудь заметит сей маневр. Хорошо хоть, что она приехала без «эскорта» – такой мыслью ободрил я себя. Вот уже два года я боготворил Верити. Боготворил издали, потому что раньше ее всегда сопровождала преотвратнейшая тварь по имени Родни Ричи. Его родителям принадлежала в Эдинбурге фирма «Доставка грузов “Ричи” – сервис надежный и цены в рамках приличий». Мой отец как-то побывал у них в гостях и под впечатлением этой встречи придумал термин «ричевое излишество». С недавних пор в семействе Эрвиллов муссировался слух, будто Верити взялась за ум и готова дать «Доставке» отставку. По крайней мере, на этот раз предмет моего обожания явился сюда без дегенерата Родни на буксире – что обнадеживало.

Я подумал, не подойти ли к Верити. Ну, может, потом, когда в замок вернемся. Еще я склонялся к мысли насчет поговорить с Джеймсом, но братишка опирался на стену крематория, явно пребывая не в духе: томился скукой и, похоже, замерз в кем-то одолженном пальто, в шапке с опущенными «ушами», под которые наконец-то (прощай мучительная ломка) вернулись наушники плеера. До сих пор, должно быть, на *Doors* торчит. В эту минуту я едва не пожалел, что рядом нет нашего старшего брата Льюиса: ему не удалось выбраться на похороны. Льюис симпатичный, он смышленей и остроумней меня, поэтому я нечасто по нему скучал.

Я остановился возле «ягуара» дяди Хеймиша. Может, просто сесть в машину? Или подойти к кому-нибудь завязать разговор? Я чувствовал, что приступ застенчивости – каковой болезни я, к сожалению, подвержен – уже неминуем.

– Здравствуй, Прентис. Как дела?

Это был низкий и хриплый, но все же девичий голос. Подошла Эшли Уотт, похлопала меня по плечу. За ней по пятам следовал братец Дин. Я кивнул:

– Привет. Все путем. Здорово, Дин.

– Салют, чувак.

– Ты ради этого приехал? – Эш кивнула на серый гранит приземистых крематорских построек. Ее длинные желтовато-коричневые волосы были собраны в узел на затылке; угловатое волевое лицо, на котором господствовали орлиный нос и большие очки с круглыми линзами, казалось озабоченным и печальным. Мы с Эш – сверстники, но при ней я всегда почему-то чувствовал себя моложе.

– Ага. В понедельник – обратно в Глазго. – Я опустил взгляд. – Ух ты! Эш, я тебя в юбке еще ни разу не видел.

Эш всегда носила джинсы. Мы с ней дружили, сколько себя помнили, на одном ковре в одни игрушки играли, но чтобы она ходила в чем-нибудь кроме джинсов – не припомню, хоть убейте. Ведь ноги у нее в порядке, сейчас вполне симпатичные икры выглядывают из-под черной миди-юбки. На Эшли большая тужурка морского фасона с завернутыми обшлагами и черные перчатки; благодаря средней высоты каблукам она теперь одного роста со мной.

– Короткая у тебя память, Прентис, – улыбнулась Эш. – Школу помнишь?

– Школу? Ага, – кивнул я, глядя на ее ножки. – А кроме школы – ни разу.

Я пожал плечами и осторожно улыбнулся.

В средней школе я был несносным ребенком, и был им долго, с первого дня обучения до конца четвертого класса. И самое яркое воспоминание, связанное с Эш, – как мы с ее двумя братьями устроили засаду и забросали снежками ее с сестрой и их мальчиков, когда в сумерках они возвращались из школы домой. Чей-то снежок сломал длинный острый нос Эшли. Я подозревал, это мой грех, – подозревал по той лишь причине, что вроде бы никто больше не улучшал баллистические качества снежков увесистыми камешками.

Нос ей, конечно, поправили, и по окончании школы мы даже подружились.

Эш чуть нахмурилась, ее серые глаза, слегка увеличенные линзами, смотрели в мои.

– Мне очень жаль, что бабушки Марго больше нет. Всем нам жаль. – Она резко обернулась к брату, закуривавшему позади нее «регал».

Он кивнул. На нем были темные джинсы и темно-синее пальто «кромби», выдавшее как будто лучшие десятилетия.

Я не знал, что и сказать.

– Мне будет не хватать ее, – произнес я будничным тоном. С тех пор как узнал, что бабушка умерла, старался об этом не думать.

– Прентис, это че, сердце? – поинтересовался Дин, выпустив клуб дыма.

– Нет, – ответил я. – Она с лестницы упала.

– Так это же вроде было в прошлом году? – проговорила Эш.

– В прошлом году она падала с дерева. А в этот раз чистила водосточные желоба. Лестница поехала, и бабушка провалилась через крышу оранжереи. До больницы не довезли – говорят, шок от кровопотери.

– Ах, Прентис, я тебе так сочувствую.

Эш погладила меня по руке.

Дин озабоченно покачал головой:

– А я думал – сердце.

– Был у нее инфаркт, – кивнул я. – Лет пять назад. Ей поставили электрокардиостимулятор.

– А может, она на лестницу залезла, тут и случился инфаркт? – предположил Дин.

Эш пнула его в голень.

– У-у-ы! – взвыл он.

– Извините, ваша чувствительность, – сказала Эш. – Но я повторяю: мы правда очень соболезнуем. Прентис, – оглянулась она, – я не вижу Льюиса. Он что, не смог приехать?

– Он в Австралии, – вздохнул я. – Все шутки шутит.

– А-а, – кивнула Эш и улыбнулась краем рта. – Какая жалость.

– Для австралийцев – пожалуй, – сказал я.

Лицо Эш сделалось печальным, даже жалостливым.

– Ах, Прентис...

Дин пихнул сестру в спину рукой – не той, что тер свой подбородок.

– Слышь, так че там с тем чуваком, ну, с которым в Берлине столкнулась в джакузи?

Обещала же рассказать.

– А, да... – Эш перестала хмуро смотреть на брата и стала хмуро смотреть на меня. Она глубоко вдохнула, медленно выпустила воздух из легких. – Скажи-ка, Прентис, как ты насчет кружечку пропустить?

– Да неплохо бы, пожалуй, – ответил я. – Но нас вроде в замок звали помянуть. – Я пожал плечами: – Сегодня вечером?

– Договорились, – кивнула Эш.

– Джакузи? – Я посмотрел на Дина, затем на Эш. – Берлин?

Дин ухмыльнулся и кивнул.

– Ладно, Прентис, – сказала Эш, – увидимся. И я тебе расскажу одну историю, грязную, но потрясную. К восьми в «Якобите», годится?

– В самый раз, – кивнул я и, подавшись вперед, легонько толкнул ее. – Что за джакузи?

Я заметил новое выражение на лице Дина, услышал новый звук, затем увидел, как взгляд Эшли сместился с моего лица: теперь она смотрела куда-то мне за спину, над левым плечом. Я медленно повернулся.

С визгом тормозов к крематорию подъезжал автомобиль; палая листва кружилась за ним в воздухе. Это был зеленый «ровер», и шел он на добрых шестидесяти. Должно быть, раза в три перекрыл последний рекорд скорости, поставленный на этой территории. И двигалась машина курсом примерно на нас, и расстояние, пригодное для безопасного торможения, быстро сходило на нет.

– Это не доктора ли Файфа тачка? – спрашивал Дин, пока Эш хватала меня за рукав и тащила назад.

«Ровер» перестал выть двигателем, клюнул носом и затряс задом; протекторы его шин пытались вгрызться во влажный асфальт.

– А я думал, у него «орион», – пробормотал я, давая Эшли оттащить меня, заодно с Дином, мимо зада машины дяди Хеймиша на траву.

Вся толпа возле крематория теперь смотрела, как зеленый «216-й» скользит в считанных сантиметрах от лобового столкновения с эрвилловской «бентли» восьмой модели. Покрышки наконец зацепились за асфальт. Доктор Файф – и правда, это был он – соскочил с водительского сиденья. Все такой же маленький, толстый и усатый, только сегодня физиономия красная и вытаращены глаза.

– Стойте! – завопил он, хлопая дверцей машины и со всех своих коротеньких ножек устремляясь к входу в часовню. – Стойте! – выкрикнул он снова, уже, пожалуй, без необходимости, потому что все, чем бы они ни занимались, замерли, когда завизжала тормозами машина. – Остановитесь!

Готов поклясться, что я услышал в этот момент приглушенный треск, но никто мне не верит. Вот тогда это, наверное, и произошло.

Чуткие гробовщики из корпорации «Галланахский крематорий» обычно сжигают тела по ночам, дабы видом дыма не усугублять горе и без того скорбящих родственников. Но бабушка Марго в завещании потребовала незамедлительной кремации, каковая и происходила в те минуты, когда подъехал доктор Файф.

– Ай! – воскликнул доктор у самой двери, где его должен был перехватить встревоженный слугитель. – Ай! – повторил он и повалился, сначала в объятия слугителя, а затем на

землю. Несколько секунд простоял на коленях, затем развернулся и сел на зад, вонзая короткие пальцы в пухлую грудь и глядя на гранитные плиты мостовой перед часовней. А потом уплотнившаяся и притихшая в растерянности толпа услышала от него: – Дорогие друзья, прошу извинить, но у меня, кажется, коронарный тромбоз...

И с этими словами доктор Файф завалился на спину. Несколько мгновений ничего не происходило. Потом Дин Уотт пихнул меня рукой, в которой держал «регал», и тихо молвил:

– А че, прикольно.

– Дин! – цыкнула на него Эшли.

Наши родственники между тем уже столпились вокруг доктора.

– Вызовите «скорую»! – закричал кто-то.

– Здесь же есть катафалк! – воскликнул мой отец.

– Только ушиб – фигня, – пробормотал Дин, энергично терший голень, и обратился к сестре: – Слышь, валим отсюда?

Катафалк сослужил службу: доставил доктора Файфа в местную больницу как раз вовремя, чтобы спасти если не его профессиональную репутацию, то хотя бы жизнь. А тот приглушенный хлопок – настаиваю, что я его слышал, – был взрывом. Взорвалась моя бабушка. Доктор Файф забыл предупредить в больнице, чтобы из тела перед кремацией извлекли электрокардиостимулятор. Как я уже говорил, в моем роду такие вещи случаются.

Глава 2

То были дни радужных перспектив; и мир был очень мал в ту пору, и в нем еще жило волшебство.

Он рассказывал детям удивительные истории. О Тайной Горе и о Звуке, Который Можно Увидеть. О Лесе, Утонувшем в Песке, и Деревьях из Окаменевшей Воды. О Медленных Детях, и о Волшебном Пуховом Одеяле, и об Исхоженной-Изъезженной Стране. И дети верили всему. Они узнавали о далеких временах и давно исчезнувших местах, узнавали о том, кем они были и кем не были, о том, кем они станут и кем не станут.

Тогда каждый день был неделей, каждый месяц – годом. Сезон был десятилетием, а год – целой жизнью.

* * *

– Пап, а миссис Макбет говорит, что Бог есть, а ты попадешь в дурное место после смерти.

– Миссис Макбет – идиотка.

– Не, пап, она не идиотка. Она учительница!

– Нет такого слова «не», а есть слово «нет»... То есть у слова «не» другие значения.

Он задержался на тропе и повернулся взглянуть на мальчика. Остановились и другие дети, они ухмылялись и хихикали. Все уже почти добрались до вершины холма и теперь находились чуть выше верхней границы произрастания леса, установленной Комиссией лесного хозяйства. Отсюда виднелась пирамида из камней: горб, подпирающий горизонт.

– Прентис, – сказал отец, – человек может быть и учителем, и идиотом. Он даже может быть и философом, и идиотом. А бывают политики-идиоты... Сдается мне, других политиков и не бывает. Даже гений может быть идиотом. Миром правят сплошь идиоты. Идиотизм – не очень серьезная помеха в жизни и в профессии. Иногда это явное преимущество, даже залог успеха.

Дети хихикали.

– Дядя Кеннет, – прошептала Хелен Эрвилл, – а наш папа говорит, что вы коммуняка.

Ее сестренка, стоявшая рядом на тропе и державшая ее за руку, пискнула и прижала холодную ладошку ко рту.

– Да, Хелен, твой папа абсолютно прав, – улыбнулся он. – Но только в пейоративном смысле, к сожалению, а не в смысле практическом.

Дайана снова пискнула и, хихикая, отвернулась, пряча лицо. У Хелен на мордашке отразилось недоумение.

– Пап, а пап, – затеребил Прентис отцовский рукав. – Пап, миссис Макбет – учительница, правда учительница. И она сказала, что Бог есть.

– Да, пап, мистер Эйнсти тоже так говорит, – добавил Льюис.

– Я имел удовольствие беседовать с мистером Эйнсти, – сказал старшему мальчику Кеннет Макхоун. – Он считает, мы должны были послать войска во Вьетнам, чтобы помочь американцам.

– Пап, он тоже идиот? – отважился задать вопрос Льюис, разгадав кислую мину на отцовском лице.

– Безусловно.

– Так, значица, Бога нету, мистер Макхоун?

– Да, Эшли, Бога нет.

– А как насчет вумблов, мистер Макхоун?

– Это еще кто такие, Даррен?

– Вумблы, мистер Макхоун. Уимблдонские вумблы. – Даррен Уотт держал за руку младшего брата Дина, а тот таращился на Макхоуна; казалось, малыш вот-вот расплачется. – Мистер Макхоун, а они-то есть?

– Конечно есть, – кивнул отец Прентиса. – Ты же видел их по телевизору, верно ведь?

– Ага.

– Ага! Ну так они, значит, существуют. Настоящие куклы.

– Но ведь они по-настоящему настоящие, а?

– Нет, Даррен, они настоящие не по-настоящему. Настоящие обитатели настоящей Уимблдонской пустоши – это мыши и птицы, ну, может, еще лисы и барсуки; никто из них одежды не носит и не живет в уютной норке с мебелью. Это одна тетенька придумала вумблов и сочинила про них сказки. А другие люди наделали по этим сказкам телевизионных передач. Вот что настоящее.

– Вот, я ж тебе говорил! – Даррен затряс ручонку брата. – Они ненастоящие.

Дин заплакал, закрыв глаза и скривив рожицу.

– О господи! – вздохнул Макхоун, не переставший изумляться тому, с какой быстротой детское личико из персика превращается в свеклу; его младшенький, Джеймс, только-только прошел этот этап. – Дин, успокойся! А ну-ка, орлы, вперед, посмотрим, удастся ли нам покорить эту вершину! – Он поднял ревущего малыша – сначала пришлось уговорить, чтобы отпустил руку брата, – и посадил на свои плечи. И посмотрел в запрокинутые мордашки остальных. – Мы ведь уже почти на месте, ребята. Поглядим на пирамиду?

Большинство разными звуками выразили согласие.

– Ну так вперед! Кто последний, тот будет тори!

И зашагал по тропе. Дин плакал уже потише. Остальные дети держались кто по бокам, кто позади, смеялись, вопили, карабкались напролом через бурьян к пирамиде. Кеннет сошел с тропы и двинулся за ними, а затем, придерживая Дина за ноги, обернулся к Дайане и Хелен; те безмолвно, рука об руку, стояли на тропинке.

– А вы почему не с нами?

Хелен, точно в таких же, как у сестренки, новых зеленых брючках, нахмурилась и покачала головкой:

– Дядя Кеннет, мы лучше сзади пойдем.

– Сзади? Почему сзади?

– А мы, кажется, и так – тори.

– Очень даже может быть, – рассмеялся он. – Но пока имеет силу презумпция невиновности. Пошли.

Близняшки переглянулись, а затем, все так же рука об руку, двинулись по травянистому склону за другими детьми, осторожно, сосредоточенно ступая по высокой жесткой траве.

Дин снова заплакал в голос, наверное, решил, что братик и сестренка его бросили. Макхоун вздохнул и затрусил по склону вслед за детьми, ободряя их возгласами, подгоняя отстающих. Когда все добрались до пирамиды, он притворился, будто выбился из сил: шатаясь, уселся, картинно повалился на траву. Разумеется, перед этим поставил на ноги Дина.

– Ох-хо-хо! Вы слишком здоровые – куда мне до вас!

– Ха-ха-ха! Мистер Макхоун! – рассмеялся Даррен, показывая на него. – Тюря, вот вы кто!

Кеннет растерялся, но уже через несколько секунд сказал:

– А ведь правильно. Тюря, тетеря, тори. – И соорил смешную рожу. – Тори-тори-тара-торит!

Он расхохотался, дети тоже засмеялись. Кеннет лежал на траве, дул теплый ветер.

– Мистер Макхоун, а зачем эти камни? – спросила Эшли Уотт. Она взобралась на середину пирамидки, которая была около пяти футов в высоту, выковыряла камешек и принялась разглядывать.

Кеннет перевернулся на живот, позволяя Прентису и Льюису усестись верхом и лупить его пятками, как лошадку. Малютка Уотт, сидя на пирамиде, постучала камешком о камешек, потом всмотрелась в белесую выщербленную поверхность того, что держала в руке. Кеннет ухмыльнулся. Он считал, что малютке не повезло. Ведь Эшли – мужское имя, так звали одного из героев «Унесенных ветром». Впрочем, если Уоттам охота давать детям такие имена, как Дин, Даррен и Эшли, то это их дело. Ведь могли быть и Элвис, Тарквиний и Мерилин.

– Помните про гуся, который бриллиант проглотил?

– Ага!

Он сочинял рассказы и один из них, про гуся и бриллиант, испробовал на детях. Жена это назвала маркетинговым исследованием.

– А почему гусь слопал бриллиант?

– Я знаю, дядя Кеннет! – Дайана Эрвилл подняла ручонку, пытаясь щелкнуть пальцами.

– Да, Дайана.

– Проголодался.

– Не-а! – пренебрежительно заявила Эшли с пирамиды, вовсю моргая. – Это для зубов!

– Есть захотел, вот и проглотил, ты, умница-разумница! – Дайана замотала головой, наклоняясь к Эшли.

– Стоп! – сказал Макхоун. – Вы обе отчасти правы. Гусь проглотил бриллиант, потому что гуси вообще так делают: глотают камушки, чтобы те попадали в... Кто-нибудь знает? – Он оглядел детей, стараясь не побеспокоить сидящих на нем Льюиса и Прентиса.

– *Мускульный* желудок! – выкрикнула Эшли, замахаясь камнем.

Дайана пискнула и прижала ладонь ко рту.

– Да, у птицы есть мускульный желудок, это верно, – сказал Кеннет. – Но на самом деле алмаз попал в гусиный зоб, потому что гусям, как и большинству птиц, нужно держать в зобу, вот здесь, – показал он на себе, – мелкие камни. С помощью этих камешков пища перетирается и лучше усваивается, когда попадает в желудок.

– Мистер Макхоун, а я помню! – воскликнула Эшли и прижала камень к груди, отчего ее поношенный серый джемперок не стал чище.

– И я, пап! – вскричал Прентис.

– И я!

– И я тоже!

– Вот и отлично. – Кеннет медленно перевернулся на бок, заставив Льюиса и Прентиса съехать с его спины. Затем сел; сыновья тоже сели. – Когда-то давным-давно у нас в Шотландии жили-были огромные звери, и они...

– А как они выглядели, пап? – спросил Прентис.

– Как? – Макхоун запустил руку в каштановые кудри, почесал затылок. – Как... большие волосатые слоны... с длинными шеями. И эти огромные животные...

– Дядя Кеннет, а как они назывались?

– Они назывались... Хелен, они назывались мифозаврами и глотали камни... большие камни, которые опускались в зоб и там перетирали пищу. Это были очень большие животные и очень сильные, но они таскали в себе много камней и потому на горы не поднимались, а жили всегда в долинах и в море или озеро тоже не заходили, потому что плавать не могли, и от болота в сторонке держались, чтобы не утонуть. Но...

– Мистер Макхоун, а по деревьям они лазали?

– Нет, Эшли.

– Ага, я так и думала, мистер Макхоун!

– Умница. В общем, когда мифозавры становились старенькими и приходило время помирать, они все-таки поднимались на вершины холмов, невысоких, вроде этого, и ложились и спокойно умирали, а после смерти у них исчезали мех и кожа, а потом и внутренности рассыпались...

– Мистер Макхоун, а куда они девались, ихние мех и кожа?

– Куда девались... Эшли, они превращались в землю, растения, насекомых и другую мелкую живность.

– Ух ты!

– И в конце концов оставался только скелет.

Дайана ойкнула и снова прижала руку ко рту.

– А потом и он рассыпался в пыль, и...

– Мистер Макхоун, а бивни?

– Что, Эшли?

– Бивни. Они тоже – в пыль?

– Гм... Да. Да, в пыль. Все превращалось в пыль, кроме камней, которые звери носили в зобу. Камни оставались лежать большой грудой там, где умирал мифозавр. – Кеннет повернулся и хлопнул по большому камню, торчавшему из основания пирамиды. – Вот как они здесь оказались, – ухмыльнулся он (самому понравилось только что сочиненное).

– Ага! Эшли! Ты стоишь на том, что было у зверя в пузе! – закричал Даррен, показывая. Эшли рассмеялась и прыгнула, отбросила камень и принялась кувыркатся на траве.

Несколько минут стояли шум и гам, наконец Кеннет Макхоун глянул на часы и сообщил:

– Все, дети. Пора обедать. Кто-нибудь проголодался?

– Я!

– Я, пап!

– И мы, дядя Кеннет!

– Мистер Макхоун, а я могу целого миффасора слопать, чес-слово, могу!

Он рассмеялся.

– Хм... я не думаю, Эшли, что он окажется в нашем меню. Но ты не волнуйся.

Он встал и вынул трубку, наполнил чашечку табаком, утрамбовал.

– А ну, за мной, буйная орда! Тетя Мэри уже небось на стол накрыла.

– Дядь Кеннет, а дядя Рори фокусы покажет?

– Да, Хелен, покажет, но только если будете вести себя хорошо и съедите овощи.

– Во класс!

Дети пустились бегом вниз по склону. Дина пришлось нести – утомился.

– Пап! – Прентис отстал от вопящей стайки, чтобы поговорить с отцом. – А миффасоры настоящие?

– Да, малыш. Не менее настоящие, чем вумблы.

– Как Дугал из «Волшебной карусели»?

– От и до. Вернее, почти. – Кеннет затянулся табачным дымом. – Впрочем, да, такие же настоящие. Видишь ли, Прентис, настоящее всегда остается настоящим только у тебя в голове, а мифозавры теперь существуют в твоей головке.

– Правда существуют?

– Да. Раньше они были в моей голове, а теперь есть и в твоей, и в головах остальных.

– Как Бог в голове у миссис Макбет?

– Ага, правильно. Бог – это идея, которая сидит у нее в голове. Это как Дед Мороз и Зубная Фея. – Он посмотрел на мальчика. – Ну как, понравился тебе мой рассказ про мифозавра и каменные пирамиды?

– Так это просто рассказ, пап?

– Ну конечно, Прентис. – Отец нахмурился. – А ты что подумал?

- Не знаю, пап.
- *Histoire, seulement*¹.
- Чего, пап?
- Ничего, Прентис. Это просто рассказ.
- Пап, а рассказ про то, как ты с мамой встретился, более хороший.
- Просто лучше. Более хороший – не годится.
- Так он лучше, пап.
- Ну что ж, сынок, я рад, что ты так считаешь.

Дети входили в лес; тропа воронкой сужалась меж соснами. Он поглядел вдаль, сквозь заслон из сучьев и листьев, туда, где еле проглядывали деревня и станция.

* * *

Вечером пропыхтел, уезжая, поезд, за поворотом искусственной прогалины исчез последний вагон. Пар и дым ушли вверх, в закатные небеса. Он позволил чувству возвращения волной нахлынуть на него; он окидывал взором безлюдную платформу по ту сторону путей и смотрел дальше, за многочисленные огни деревни Лохгайр, на длинное зеркало озера цвета электрик, на эти блистающие акры, заключенные между темными массивами суши.

Медленно растаял голос поезда, и словно взамен появился шорох дождя. Оставив чемоданы, он пошел в дальний конец платформы. Самый ее край резко уходил под уклон, сворачивал к виадуку над бурным потоком. Стена высотой по грудь служила продолжением платформы.

Он положил руки на верх стены и стал глядеть вниз, где футах в пятидесяти обрушивалась белая вода. Чуть выше по течению реки Лоран низвергался из леса тугой бешеный водопад; даже здесь ощущался вкус водяной пыли. Ниже река кипела у быков виадука, по которому рельсы железно-дорожного пути тянулись к Лохгилпхеду и Галланаху.

Через поле зрения пронесся серый силуэт, от водопада к мосту; резко увеличился, развернулся в воздухе и спикировал в проем на том берегу реки, как будто клочок паровозного пара заблудился и теперь спешил вдогонку за поездом. Он подождал несколько секунд и услышал свиный крик из темной чащи.

Улыбнувшись, наполнил легкие воздухом – с паровозным дымком, с резковатой сладостью сосновой смолы, – отвернулся и пошел обратно за чемоданами.

– Мистер Кеннет, – сказал начальник станции, беря у ворот его билет, – это вы! Отучились, стало быть, в университете?

- Да, мистер Колдер, отучился.
- И что, насовсем сюда?
- Может быть. Посмотрим.
- Верно, посмотрим. Вот что я вам скажу: сестра ваша сюда приезжала, но поезд опаздывал, и она...
- Ничего, тут идти недалеко.
- Недалеко, но я скоро закрываюсь, могу подбросить на мотоцикле.
- Да ничего, прогуляться не вредно.
- Как пожелаете, мистер Кеннет. Рад, что вернулись.
- Спасибо.
- Ага... Может, это она.

¹ Рассказ, и ничто иное (*фр.*).

Мистер Колдер смотрел на изгиб ведущей к станции дороги. Кеннет услышал гул автомобильного двигателя, а потом белый свет фар мазнул по чугунным перилам, не пускающим рододендроны на асфальтовую дорогу.

И вот большой «хамбер» заревел на парковочной площадке, накренился при развороте и остановился пассажирской дверцей напротив Кеннета.

– Снова здорово, мистер Колдер! – раздался голос с водительского сиденья.

– Добрый вечер, мисс Фиона.

Кеннет закинул чемоданы в багажник, уселся на пассажирское сиденье и получил от сестры поцелуй. «Хамбер» выскочил на дорогу и стремительно разогнался; ускорение вдавило Кеннета в спинку кресла.

– Ну что, Большой Брат, как дела-делишки?

– Отлично, сестренка.

Машину слегка занесло при выезде на большак. Он вцепился в ручку на двери, посмотрел на сестру, что сидела, сутулясь, за большой баранкой, одетая в блузку и слаксы; ее светлые волосы были стянуты на затылке.

– Что, Фи, сдала экзамены?

– А то! – Идущая навстречу машина бибикнула и мигнула фарами. – Гм... – нахмурилась сестра.

– Попробуй вольтаж отрегулировать. Движковым переключателем.

– Угу.

Они съехали с шоссе на подъездную дорожку, с ревом промчались между темными стенами дубов. Фиона заставила машину скрежетнуть на гравии, миновала старую конюшню и объехала дом сбоку. Он оглянулся через плечо:

– Это что, стена?

Фиона кивнула, останавливая машину у входа в дом.

– Папе понадобился внутренний двор, вот он и кладет стену от конюшни. – Она заглушила двигатель. – У нас будет оранжерея с видом на сад, если мама на своем настаит – а ведь настаит. Твоя комната в порядке, а вот у Хеймиша – ремонт.

– Что о нем слышно?

– Братается с негритосиками, судя по всему.

– Фи! Просто – фи! С родезийцами.

– С маленькими черными родезийцами, то есть – с негритосиками. А я что, я ничего, это все Энид Блайтон виновата. Идем, дядя Джо. Ты как раз к ужину.

Они вышли из машины. В доме некоторые окна были освещены, а на крыльце передней двери, на нижних полукруглых ступеньках, лежали два велосипеда.

– Это чьи? – спросил он, забирая сумки из багажника.

– Две девчонки у нас остановились, – показала Фиона, и он различил под елками на западном краю газона смутный силуэт палатки, оранжево подсвеченной изнутри.

– Твои подружки?

Фиона отрицательно покачала головой:

– Да нет, просто заехали, попросились. Думали, у нас ферма. Кажется, из Глазго они.

Сестра забрала у него чемоданчик-дипломат и запрыгала по ступенькам к растворенной двустворчатой двери. Поколебавшись, он сунулся в машину и выдернул ключ из замка зажигания. И еще раз глянул на палатку.

– Кен? – позвала Фиона из двери.

Он хмыкнул и вернул ключ в замок, но тут же отрицательно покачал головой и снова вынул. Не потому, что в усадьбе чужие, и тем более не потому, что они из Глазго. Просто оставлять ключи в машине безответственно, и не мешало бы Фионе зарубить это на носу. Он

сунул ключи в карман и забрал свои вещи. И в третий раз посмотрел на палатку – как раз в тот момент, когда она вспыхнула.

– Ой! – услышал он возглас Фионы.

Тогда-то он и увидел впервые Мэри Льюис – она выскочила из палатки в одной пижаме, и ее волосы были в огне.

– Господи боже! – Кеннет выронил чемоданы и помчался по гравиевой дорожке за девушкой, которая с дикими воплями неслась вскачь по газону и лупила себя обеими руками по голове, пытаясь сбить синевато-оранжевое трескучее пламя. Он перебежал на траву, стаскивая с себя куртку. Девушка с перепугу шарахнулась от него; он схватил ее, остановил неуклюжим рывком; не дожидаясь, когда начнет сопротивляться, набросил куртку ей на голову. Она визжала; от запаха горелого волоса щипало в ноздрях. Через несколько секунд он сдернул куртку. Тут же подскочила Фиона, и вторая девушка, в чересчур широкой пижаме и желтовато-коричневых трениках, с плоским чайничком в руке, прибежала из дома.

– Мэри! О Мэри! – причитала она.

– Отличная работа, Кен. – Фиона опустила на колени перед девушкой со сгоревшими волосами – та сидела на траве и дрожала. Он обнял ее за плечи одной рукой. Вторая девушка тоже упала на колени и заключила в объятия подружку, которую она звала Мэри.

– Ой-ой-ой! Ты цела, девочка?

– Кажется, да, – ответила Мэри, нащупывая остатки шевелюры, и залилась слезами.

Он высвободил руку, зажатую между двумя девушками. Стряхнул траву и волосистой пепел с куртки и накинул ее на плечи Мэри.

Фиона раздвигала уцелевшие пряди волос и рассматривала в сумраке кожу.

– Крошка, да тебе просто повезло! Но все равно врача вызовем.

– О нет! – зарыдала девушка, как будто ей предложили нечто чудовищное.

– Ну-ну, Мэри, успокойся, – дрожащим голосом уговаривала подружка.

– Все, идем в дом, – встал на ноги Кеннет, – надо тебя осмотреть. – Он помог подняться двум девушкам. – А заодно и чайку попьем.

– О-о... Из-за этого-то все и случилось!

Мэри была бледна и тряслась, в глазах блестели слезы; у нее вырвался истерический смешок.

Вторая девушка, по-прежнему обнимавшая ее, тоже хихикнула. Кеннет улыбнулся и покачал головой. Ему наконец удалось рассмотреть как следует лицо пострадавшей, и он поразился: какая необычная красота! Пусть даже половина волос сгорела, остальные превратились в бесформенные патлы, а глаза красные от слез.

И тут он понял, что видит ее все лучше и лучше в свете костра, который трещит на западном краю парка, под елями. Мэри уже смотрела мимо него, глаза округлились от страха.

– Палатка! – вскричала она. – О-о-о!

* * *

– А я не видел! Черт! Блин! Зараза! Ненавижу ложиться так рано!

– Цыц! Сказано – спать!

– Нет! А что было потом? Ты стащил с нее все шмотки и в койку завалил?

– Рори! Не говори ерунды. Конечно нет.

– Так было в той книжке. Только девушка была мокрая – прямо из моря. Пострадавшая упала в воду.

Вторую фразу Рори произнес, подражая киношному полицейскому.

Кеннету хотелось рассмеяться, но он не позволил себе.

– Рори, замолчи, пожалуйста.

– Да ладно! Расскажи, что было дальше.

– То и было. Мы все пошли в дом, мама с папой ничего и не услышали. Я растянул поливальный шланг, но к тому времени тушить уже было нечего. Оказалось, примус взорвался и...

– Что? Так прямо и взорвался?

– А примусы так прямо и взрываются, ты что, не знал?

– Царица небесная! В смысле, мать твою так! Я не видел!

– Рори, следи за языком!

– Ла-а-адно. – Рори перевернулся на кровати, пихнул Кеннета в спину.

– И за ногами следи.

– Извини. А врач приехал или нет?

– Нет, Мэри не захотела, хотя мы предлагали вызвать. Да она не сильно пострадала.

Только волосы обгорели, и все.

– Оба-на! – восхищенно взвизгнул Рори. – Так что, она лысая теперь?

– Нет, она не лысая. Но шарф или что-нибудь вроде придется поносить.

– Так они в доме сейчас? Эти девчонки из Глазго? Они у нас?

– Да, Мэри с Шиной в моей комнате, вот я и ночую у тебя.

– П-р-р-р-р...

– Рори, хватит дурачиться, ради бога. Давай спать.

– Ладно.

Рори вдруг подпрыгнул, перевернулся в кровати. Кеннет ощутил спиной напряженное тело брата. И вздохнул.

Он вспомнил время, когда эта комната была его комнатой. Прежде чем отец перебрал камин и поставил в него решетку, зимой единственным отопительным устройством в доме служил парафиновый калорифер, которым семья пользовалась еще в Галланахе, в старом доме. Какую он тогда испытывал ностальгию, и каким тогда казался Галланах далеким, недостижимым, хотя и лежал в каких-то восьми милях за холмами, всего два железнодорожных перегона. Печка была тогда высотой с Кеннета, и ему строго-настрого запретили до нее дотрагиваться, и он первое время побаивался ее, но, когда подрос, полюбил старую эмалированную штукуну.

В холодные дни родители приносили в его комнату калорифер, и он работал, пока Кеннет не ложился в постель, и еще немного, когда родители, пожелав ему спокойной ночи, уходили; он лежал и слушал потрескивание и шипение и следил за кружением отбрасываемых печкой на высокий потолок пламенно-желтых и тенисто-черных разводов. Комната наполнялась теплом и восхитительным запахом, и каждый раз, когда он чуял этот запах, неизменно подступала знакомая дремота.

То было драгоценное тепло, по крайней мере в годы войны, когда отец жег запасы парафина, правдами и неправдами собранные еще до введения продуктовых и товарных карточек.

Рори снова пихнул Кеннета ногой. Тот не отреагировал; не откликнулся и на следующий толчок, чуть посильнее, и тихонько захрапел.

Опять тычок.

– Ну, чего?

– У тебя он когда-нибудь большим делается?

– Чего?

– Ну, писюн. Он у тебя большим делается?

– Господи... – вздохнул Кеннет.

– А у меня делается иногда. Вот как сейчас. Хочешь потрогать?

– Нет! – Кеннет сел на кровати, разглядел смутные очертания подушки и детской головы на ее фоне. – Нет, не хочу.

– Да ладно, я же просто спросил. А все-таки бывает у тебя писюн большим?

– Рори, я устал. День был хлопотный, и сейчас не время и не место...

– Боб Уотт свой запросто может твердым сделать. – Рори вдруг сел. – И Джеми Макуин. Я сам видел. Надо тереть хорошенько. Я пробовал, да не твердеет. А раза два само получилось. Классно было. Как будто в ванной лежишь, и тепло... У тебя так бывало?

Кеннет глубоко вздохнул, протер глаза, прислонился лопатками к низкой медной решетке у изголовья, подтянул пятки к туловищу, согнув ноги в коленях.

– Знаешь, Рори, кажется, не моя это тема. Ты лучше с папой поговори.

– А Боб Уотт говорит, от этого глаза портятся. – Рори помолчал и добавил: – Он очки носит.

Кеннет подавил в горле смех. Он поглядел на потолок, под которым висели на ниточках десятки авиамodelей: целые эскадрильи «спитфайров», «харрикейнов», «Ме-109» шли в атаку на «веллингтоны», «ланкастеры», «летающие крепости» и «хейнкели».

– Нет, зрение от этого не портится.

Рори откинулся на спинку кровати и тоже подтянул ноги. Кеннет не мог различить выражение лица брата. На столе у двери теплился ночничок, но давал слишком мало света.

– Ха! Я же ему говорил, что он не прав.

Кеннет снова лег. Рори некоторое время молчал, наконец сказал:

– А я сейчас пукну.

– Прекрати!

– Не могу. Придется под одеялом, а то от ночника может вспыхнуть, и тогда весь дом взорвется.

– Рори, заткнись. Я серьезно.

– Да ладно. – Рори перевернулся на бок. – Уже прошло.

Некоторое время стояла тишина. Кеннет, чувствуя спиной колени Рори, подумал с закрытыми глазами: лучше бы отец побольше комнат отремонтировал, чем стены во дворе класть. Вскоре Рори снова зашевелился и сонно произнес:

– Кен...

– Рори, давай спать, пожалуйста. А то запиною.

– Кен, а Кен?

– Ну чего-о? – вздохнул Кеннет.

«Надо было раньше его лупить, когда мы были помладше. Сейчас он меня совсем не боится».

– А ты когда-нибудь бабу пялил?

– Не твое дело.

– Ну расскажи!

– И не подумаю.

– Ну пожалуйста! Я больше никому! Слово даю. Вот те крест, и чтоб мне не жить!

– Нет. Я уже сплю.

– Если расскажешь, я тебе тоже кое-что расскажу.

– Ну, в этом-то я не сомневаюсь.

– Нет, правда, это очень важно, и больше никто не знает.

– И я не знаю и знать не хочу. Рори, спи, не то ты – труп.

– Честное слово! Я больше никому не скажу. А если расскажу тебе, ты никому не должен рассказывать, иначе меня в тюрьму засадят.

Кеннет открыл глаза. Господи, о чем это дитя лепечет?!

Он перевернулся, глянул в изголовье кровати. Рори лежал неподвижно.

– Рори, только давай без мелодрамы. На меня это не действует.

– Правда. Меня посадят.

– Ерунда.

– Расскажу, что я наделал, если ты расскажешь, как телок дерут.

Кеннет полежал, обдумывая услышанное. Как ни крути, от страшной и горькой правды никуда не деться: ему уже практически двадцать два, это зрелый возраст, а он до сих пор не занимался любовью. Но Кеннет конечно же знал, как надо себя вести в таких случаях. Что же за секрет у Рори? На самом деле что-то случилось или просто сочинил? Сочинять они оба мастера.

– Ты первый Расскажи, – решил Кеннет и снова почувствовал себя ребенком.

Рори, к его удивлению, согласился.

– Ладно. – Он сел на кровати, и так же поступил Кеннет. Ерзая, они подобрались друг к другу поближе, едва не соприкоснулись головами, и Рори зашептал: – Помнишь, как прошлым летом в усадьбе большой амбар сгорел?

Кеннет вспомнил. Это случилось на последней неделе его каникул: он увидел поднимающийся над фермой дым, в миле по дороге на Лохгилпхед. Они с отцом слышали пожарный колокол, который звонил в бывшей часовне, запрыгнули в машину, поехали и помогли старому мистеру Ролстону и его сыновьям. У тех были только пара шлангов и ведра, и к тому времени, когда из Лохгилпхеда и Галланаха приехали пожарные машины, старый сенной амбар сгорел дотла. А так как он стоял близко от железной дороги, все решили, что пожар возник от искры из паровозной трубы.

– Уж не хочешь ли ты сказать?..

– Это я сделал.

– Шутишь!

– Обещай, что никому не скажешь. Пожалуйста. Пожалуйста-препожалуйста! Я еще никому не рассказывал, и в тюрьму я не хочу. Кен, умоляю!

Рори не лгал – слишком уж голос испуганный. Кеннет обнял младшего брата. Мальчик дрожал. От него пахло «Палмоливом».

– Кен, я не хотел! Честное слово, не хотел. Я просто с увеличительным стеклышком играл. Опыт ставил. Там в крыше была дырочка, а в нее входил солнечный луч, как будто фонарик на сено светил. А у меня был «бьюфайтер» – не «эрфиксовский», похуже, и я проплавлил дырочки в крыльях и фюзеляже, это очень похоже на дырки от пуль, можно прожечь длинный ряд, как будто от очереди двадцатимиллиметровой пушки, и я представил, что солнце – это прожектор, самолет рухнул, и что будет, если поджечь сено, совсем чуть-чуть, вокруг упавшего самолета, но я же не думал, что все сгорит, честное слово, не думал, а оно как полыхнет! Кен, ты ведь не расскажешь никому, а?

Рори отстранился, и Кеннет различил глаза мальчика. Они блестели во мраке.

Он снова обнял брата.

– Не расскажу. Никому и никогда. Клянусь.

– Фермеру ведь не пришлось машину продавать, чтобы купить новый амбар?

– Не пришлось, – рассмеялся Кеннет. – Это ведь ферма старика Эрвилла, а он у нас ушлый капиталист. Готов поспорить, амбар был надежно застрахован.

– Правда?.. Хорошо. Это был несчастный случай. Ты ведь мистеру Эрвиллу не скажешь?

– Не скажу, не волнуйся. Подумаешь, амбар. Никто же не пострадал. Да успокойся.

Он удерживал руку, качая мальчика.

– Кен, я потом так боялся... Сбежать хотел даже, честное слово.

– Ну все, все, успокойся.

Через некоторое время Рори сонно проговорил:

– Кен, теперь ты рассказывай, как девок трахают.

– Давай завтра, а? – прошептал Кеннет. – Не хочу, чтоб ты снова возбудился.

– Обещаешь?

– Обещаю. Ложись и спи.

– М-м-м... Ладно...

Кеннет укутал мальчика одеялом, посмотрел на темные кресты самолетиков.

«Ах ты, паршивец!»

Он полежал, быстро вызвал у себя эрекцию, но устыдился и прекратил. Закрыв глаза, попытался уснуть, но в голову все лезли мысли о девушке со сгоревшими волосами. Кеннет, когда ее обнимал за плечи, заглянул довольно глубоко в вырез пижамы.

Он заставил себя не думать о ней. Восстановил в памяти события минувшего дня. В детстве он так часто делал, чтобы заполнить время между щелчком выключателя и уходом в сон.

Итак, он собирался сразу по приезде сообщить родителям, что хочет путешествовать, что оставаться не намерен. Или устроится на фабрику, не обязательно на административную должность, или пойдет в учителя по примеру Хеймиша. Может, когда-то и дойдет до оседло-буржуазного образа жизни, но сейчас охота на мир посмотреть. Не сошелся же клином свет на этом уголке Шотландии, и даже на Глазго, и даже на всей Британии. Мир и жизнь раскрывают перед ним свои двери, и не грех хорошенько изведать и мира, и жизни. (Кроме всего прочего, нельзя забывать и про атомную бомбу, про этот дамоклов меч, что вечно грозит положить всему конец одной мерзкой вспышкой, за которой последует долгая тьма. Пока есть бомба, любые планы человеческие, любые виды на будущее – чепуха. Ешь, пей и гуляй сегодня, потому что завтра мы взорвем планету на хрен!)

Итак, обо всем этом он хотел сообщить родителям сразу по прибытии, но происшествие с девушками и палаткой, эта бедная перепуганная малютка с полусгоревшими волосами сорвали план. Ничего, можно подождать до утра. Завтра будет время. Время всегда есть.

Интересно, какова ее светло-медовая кожа на ощупь? Мэри, по ее словам, учится на географическом, но он бы скорее поверил, что она спортсменка. В темноте он улыбнулся, снова потрогал себя между ног. Ее-то географию он бы поизучал охотно: контуры тела, высокие холмы и глубокие долины, темные лески и таинственные влажные пещеры...

* * *

Девушки провели в Лохгайре еще шесть дней. Макхоуны обычно не запирали дом и потому не услышали, как гости собрали свои уцелевшие вещи и уехали на велосипедах, а может, поездом в Глазго.

– О нет! Вы должны остаться! – сказала утром первого дня за завтраком Марго Макхоун.

Все сидели за круглым столом: очаровательно смущенная Мэри с полотенцем на голове, ее подруга Шина – широкая в кости блондинка со щечками-яблочками, азартно уплетавшая яичницу с сосисками, Фиона с Кеннетом, доедавшие кашу, Рори, искавший пластмассовую игрушку в недрах коробки с хлопьями «Шугар смэкс». Только папы не было – он с утра уехал на стекольную фабрику.

– Мы не можем остаться, миссис Макхоун, – ответила Мэри, не поднимая глаз от стола. Она не ела, лишь надкусила гренок.

– Чепуха, детка. – Марго заново наполнила стакан Рори молоком и разгладила на столе перед Мэри «Геральд». – Мы все будем очень рады, если вы останетесь. Правда? – выразительно посмотрела она на своих троих детей.

– А то! – Фиона уже нашла в Шине родственную душу, когда разговор между ними зашел о рок-н-ролле, и желала заполучить ценного союзника, чтобы заменить прогрессив-роком отцовский фолк и Кеннетов джаз в репертуаре семейной радиолы.

– Конечно оставайтесь. – Кеннет улыбнулся Мэри, потом Шине. – Хотите, я вам достопримечательности покажу? Соглашайтесь: глупо отказываться от услуг местного гида, тем более что у него очень разумные расценки.

– Ма-ам! Эти козлы забыли в коробку лодочку положить! – пожаловался зарывшийся в кукурузные хлопья Рори. Лицо его перекошилось от гнева и огорчения.

– Ты ищи, дружок, ищи, – терпеливо посоветовала Марго и оглянулась на двух девушек. – Оставайтесь, оставайтесь. Дом большой, надо, чтобы в нем кто-то жил. А если просто так гостить стесняетесь, то можете пособить с отделкой. Конечно, если дни будут непогожие и у моего мужа руки дойдут. Так будет справедливо?

Кеннет посмотрел на мать. Несмотря на годы, Марго Макхоун выглядела сногшибательно, разве что пышные каштановые волосы начали сесть надо лбом. Она первое время красила челку, но потом решила, что не стоит оно хлопот. Кеннет понял, что обожает ее, гордится ею, умеющей быть столь прагматично-щедрой, пусть даже ему из-за этого радушия приходится спать в одной кровати с младшим братом.

– Миссис Макхоун, вы ужасно добры. – Шина подчистила тарелку кусочком гренки. – Вы и правда не против, чтобы мы остались?

– Истинная правда, – ответила Марго. – Только родителям позвоните.

– Я позвоню, – подняла глаза Мэри.

– Вот и отлично, – ответила Марго. – Мы им скажем, что вы побудете у нас, хорошо?

– О, это ужасно мило с вашей стороны, миссис Макхоун, – робко улыбнулась ей Мэри.

Кеннет, не сводивший с девушки глаз, в награду получил улыбку, хоть и мимолетную. А потом Мэри опустила глаза и захрустела гренкой с повидлом.

Он возил девушек по окрестностям на «хамбере», когда им не пользовался отец; иногда Фиона составляла компанию. Летние дни были долгими и теплыми. Они бродили в лесах южнее Галланаха, на холмах, над Лохгайром. Капитан разрешил им на его пароходе проплыть по каналу Кринан, и однажды они отправились на пикник: на семейной плоскодонке доплыли до Оттер-Ферри по тихим водам Ловер-Лох-Файн. Был безветренный день, и дым костра уходил прямо вверх, и на обнаженных камнях стояли бакланы, распахнув крылья, как полы плащей, и подставив зоб теплему солнцу; и взмывали с воды чайки – черно-белые крикуньи, и мимо тарахтела ветхая моторка.

В субботу вечером в галланахской ратуше были танцы. Утром девушкам предстояло уезжать в Глазго. Кеннет пригласил на танцы Мэри. Она одолжила у Фионы платье, туфли взяла у его матери. И они танцевали, и потом целовались над тихой гаванью, где на черной, как нефть, воде лежали лодки, и рука об руку бродили по набережной под безлунным небом, полным ярких звезд. Делились мечтами друг с другом, рассказывали, как будут путешествовать по далеким странам. Он спросил, не приходила ли ей мысль еще когда-нибудь сюда приехать, например на следующие выходные.

В холмах над Лохгайром лежало озеро Лох-Глашан – резервуар для двух маленьких гидроэлектростанций, которые снабжали электричеством деревню. На этом острове у Гектора Карди, начальника Комиссии лесного хозяйства и друга Мэтью Макхоуна, была гребная лодка, и Макхоунам разрешалось брать ее, чтобы порыбачить.

* * *

Рори маялся. До того было скучно, что он даже мечтал: поскорей бы закончилась неделя и начались занятия в школе. Весной он надеялся, что вернется Кеннет и каникулы пройдут весело, но получалось иначе: то Кеннет уезжал в Глазго к своей подруге Мэри, то она приезжала сюда и они не разлучались ни на миг, а Рори видеть подле себя не желали.

Вот он и коротал время в саду: метал комочки сухой земли в старые модели танков. Когда комочек ударял в спекшуюся на солнце землю, взлетало облачко пыли – как разрыв снаряда. За это его ругала мама: въевшаяся в одежду земляная пыль плохо отстирывалась. В деревне ему

играть было не с кем, потому и сидел он здесь, смотрел, как мимо идут поезда. Тоже скучотища. Хотя, когда проходил дизель, Рори понравилось.

Он спустился по дорожке к реке, берегом дошел до плотины. Было очень тихо, безветренно. Водная гладь лоха – точно зеркало.

Мальчик двинулся по тропке между полем и берегом озера, оглядываясь по сторонам, не попадет ли на глаза что-нибудь интересное. Но интересное можно увидеть лишь дальше, на большом лохе. А здесь, на маленьком, недалеко от берега застыла весельная лодка, но в ней, похоже, никого. Рори было строжайше запрещено мастерить плоты или плавать на лодках. Несколько раз он приходил домой мокрым до нитки, вот и запретили. Ну что за глупость!

Он уселся на траву, достал из-за пазухи пластмассовый «глостер джавелин». Поиграл, взяв самолетик по траве и камешкам на берегу озера. Лег на спину, поглазнул в синее небо, ненадолго смежил веки, впитывая ими розовое тепло и воображая себя сытым желтым львом, который балдеет под африканским солнцем, или тигром, улегшимся подремать на утесе над широкой индийской равниной. Рори открыл глаза и огляделся, и мир сделался серым, но ненадолго. Мальчик посмотрел на берег: там крошечные волны лизали землю.

Какое-то время Рори следил за ними. Волны набегали очень ритмично. Взгляд мальчика пронесся по берегу: волны, почти неразличимые на воде, были заметны на всей полоске суши. И расходились они, похоже, с середины озерца, от лодки. Как странно: ведь в ней никого нет. Странно и то, что она привязана к белому буйку. Куда делся тот, кто привязывал?

Рори всмотрелся, уже не сомневаясь, что именно эта весельная лодка поднимает волны. Помнится, Кеннет с Мэри нынче собирались на рыбалку. Он-то думал, что они отправились на Лох-Файн, – может, просто не так понял? Что, если они ловили с этой лодки, да попадали за борт, да утонули оба? Взгляд мальчика пробежался по всей поверхности озера. Нигде не видать ни тел, ни одежды. Ко дну пошли, что ли?

И все-таки почему идут волны от лодки?

И еще она как будто покачивается. Чуть-чуть. Может, на днище бьется рыба?

И что это за звуки от лодки доносятся? Похоже на смешки.

Рори пожал плечами и сунул самолетик в карман шорт, решив вернуться в деревню, – может, найдется там кто-нибудь из приятелей, все веселее будет.

* * *

В тот день Кеннет и Мэри, держась за руки, вернулись к чаю и заявили, что хотят пожениться. Мама с папой, похоже, обрадовались и несколько не удивились. Рори же пришел в замешательство.

Лишь несколько лет спустя он нашел связь между крошечными волнами, ритмично набегавшими на берег, и возбужденными, смущенными лицами Кеннета и Мэри, сообщавших о своем решении.

Глава 3

Замок Гайнем-Касл, где снова жили Эрвиллы, стоял среди зарослей ольхи, рябины и дуба, которыми были покрыты северные склоны Нока-на-Мойне, вплоть до выходов гранатовых сланцев на юге, где стоял Дунадд – крепость, построенная еще в первом тысячелетии. Из замка – довольно крупного шотландского варианта Z-образной крепости, с пушечными каменными жерлами водосточных труб – открывался прекрасный вид на парковые насаждения и лужайки и дальше, на поля у окраины Галланаха, что раскинулся вокруг глубокого озера Лох-Кринан. Гайнем-Касл напоминал некий архитектурный плацдарм возле моря, плацдарм, на котором войска цивилизации неспешно, но решительно готовились к наступлению на варварство.

* * *

Для меня скрежет гравия под колесами машины всегда был звуком особенным: он одновременно и успокаивал, и возбуждал. Однажды я попытался объяснить свое впечатление отцу, но он, конечно, тут же предположил, что на самом деле это означает плавно нарастающее давление, которому, по понятиям среднего и верхнего классов, они вправе подвергать широкие пролетарские массы. Должен признаться, что успех контрреволюции на международной арене лично меня вполне устраивал, потому что папа казался теперь не таким убийственно всеведущим, а просто мудрым. Всегда было стремно его подкалывать на эту тему, и было бы еще стремнее подкалывать, когда отвязная перестройка Горби привела к эффектному и необратимому крушению одного из самых незабываемых и ярких символов нашей эпохи, – но к тому времени мы с отцом уже не разговаривали.

– Прентис! – выпалил малость обрюзгший Эрвилл Эрвилльский, хватая и встряхивая мою клешню, словно пытался ее взвесить. Наверное, я испытал то же, что испытывает молодой бычок, когда парень из «Макдональдса» хлопает его по ляжке...

– Мне так жаль, – сказал Фергюс Эрвилл.

Что он имеет в виду: кончину бабушки Марго, ее посмертный взрыв или явную попытку доктора Файфа перещеголять старушку? Дядя Фергюс отпустил мою руку.

– Как учеба?

– Отлично, – ответил я.

– Что ж, рад это слышать.

– А как ваши близняшки? У них все хорошо?

– Хорошо, хорошо. – Очевидно, каждой из его дочерей уделялось по слову.

Взгляд Ферга непринужденно перебрался на мою тетю Антонайну. Я понял намек и похилил дальше.

– Антонайна! – раздалось позади. – Мне так жаль...

Хелен и Дайана, изящно-грациозные дочки дяди Ферга, увы, не присутствовали. Дайана если и выбиралась из своего Кембриджа, то разве что на Гавайи, причем не в самое популярное у туристов местечко. В тридцати километрах от ближайшего пляжа (четыре из тридцати – по вертикали), в обсерватории Мауна-Кеа, она изучала все инфракрасное. Хелен работала в швейцарском банке и имела дело преимущественно с желтым и зеленым цветами.

– Прентис, все в порядке?

Меня обняла мать, прижала к своему черному пальто. Судя по запаху, она все так же брызгалась «пятеркой». Зеленые глаза были ясны. Возглавлял встречающую делегацию мой отец. Я его игнорировал.

– Все в порядке, – ответил я матери.

– Правда в порядке? – Она сжала мои руки.

– Да. У меня правда все в самом что ни на есть порядке.

– Ну, пойдем к нам, пожалуйста. – Она снова меня обняла и тихо добавила: – Прентис, это же глупо. Помиришься с отцом. Ради меня.

– Ну пожалуйста, мама. – Я чувствовал, что все кругом смотрят на нас. – Я к тебе попозже зайду, ладно? – и отстранился.

Я прошел в холл и снял куртку, неистово моргая и шмыгая носом. Со мной всегда так, если с холода – в тепло.

Парадный холл Гайнем-Касла щеголял дюжиной рогатых голов. Головы до их усекновения принадлежали самцам благородных оленей. Их приспособили к облицованным дубом стенам так высоко, что они никоим образом не справлялись со своей ролью вешалок для пальто, шарфов, курток и т. п. Набросить на внушительные разветвленные рога предмет одежды было все же можно, но это настолько энергозатратный процесс, что он более сродни спорту, нежели бытовому комфорту. Тем более что есть альтернатива: вполне прозаичные медные крючки, похожие на когти, под стеклянными оленьими глазами так и просят, чтобы на них повесили шмотку. Моя разлинованная вдоль и поперек молниями куртка, типа байкерская, здесь, среди мехов и строгого сукна, выглядела маленько неуместно, но ведь и снежно-белая куртка Верити... скажем так: она столь же мало соответствовала обстановке.

Я стоял и тарачился на нее секунды на две дольше, чем следовало бы, но ведь куртка будто и впрямь светилась в темной компании. Глубоко вздохнув, я решил не снимать белый шелковый шарф-мёбиус.

* * *

Я вошел в пронизанный балками сôлар. Огромный зал был заполнен негромко болтающими Макхоунами, Эрвиллами и прочими; все жевали канане и волованы, потягивали виски и шерри. Наверное, моя бабушка предпочла бы горячие сэндвичи и, быть может, несколько кусков пирога с яйцами и беконом; с другой стороны, Эрвиллы, пригласив нас сюда, сделали широкий жест, так что брюзжать не стоило. Почему-то дом Макхоунов, носящий шрамы бабушкиного неортодоксального и внезапного проникновения в оранжерею, что последовало за ее неудачной попыткой очистить от мха водосточные желоба, казался столь же неподходящим для поминок, как и наша послекремационная ретирада.

Ага! Я засек Верити, она стояла перед одним из больших окон солара и смотрела наружу, и серый свет холодного ноябрьского дня мягко отсвечивал на ее коже. Я остановился и поглядел на нее, и засосало под ложечкой, как будто сердце вдруг превратилось в вакуумный насос. Верити, зачатая под двухтысячелетним деревом и рожденная в треске и пламени рукотворной молнии! Она пришла в этот мир неспроста!

Всякий раз, встречая ее, я то ли насвистывал, то ли мурлыкал первую фразу этой темы *Deacon Blue*, «Born in a Storm»², – для меня это стало своего рода ритуалом, маленькой личной темой в жизни, подобной фильму; в бытии, смахивающем на оперу. На сцене появляется Верити – я тут же включаю ее музыку; тоже своего рода форма обладания ею.

Я поколебался, не подойти ли к ней; потом решил, что сначала лучше выпить, и направился к буфету с бутылками и бокалами и запоздало сообразил, что у Верити пустой бокал, а значит, есть отличный предлог, чтобы с ней заговорить. Я снова повернулся к ней. И едва не столкнулся с дядей Хеймишем.

² «Рожденная в бурю» (англ.).

– Прентис, – обратился он ко мне с великой серьезностью в голосе и положил руку на плечо, и мы отвернулись от Верити и от буфетной стойки с выпивкой и пошли через весь зал к окрашенным стеклам высоченного фронтоного окна. – Прентис, твоя бабушка ушла в лучший мир, – сообщил мне дядя Хеймиш.

Я оглянулся на чудное виденье – Верити – и снова посмотрел на дядю.

– Да, дядя Хеймиш.

Отец прозвал дядю Хеймиша Деревом, потому что он очень высок и передвигается крайне неуклюже; он как будто сделан из менее гибких материалов, чем стандартный человеческий набор: кости, сухожилия, мышцы и жир. Отец утверждал, когда мы с ним впервые вместе напились (а случилось это полдесяток лет назад, по случаю моего шестнадцатилетия), что однажды смотрел в школьном театре пьесу с участием дяди Хеймиша, где он был «ну буратина буратиной».

– Она была прекрасным человеком, она в жизни сделала очень мало плохого и очень много хорошего, и я верю, что она, когда поселится среди антисущностей наших, получит в награду больше, нежели в наказание.

Я кивал, и мы шагали через толпу и поглядывали на членов моего семейства, на Макгуски (девичья фамилия бабушки Марго), на клан Эрвиллов, на всяких важных шишек из Галланаха, Лохгилпхеда и Лохгайра, и уже не в первый раз я подумал, с какого ж это перепугу (или с какой радости) дядя Хеймиш ударился в свою доморошенную религию. И в этой связи мне стало чуток неловко, потому что я вовсе не являлся столь горячим фанатом личной теологии дяди Хеймиша, каким сподобился выглядеть в его глазах.

– Она всегда была ко мне очень добра, – сказал я.

– А значит, и твой антитворец будет добр к ней, – сделал вывод дядя Хеймиш, не убирая руку с моего плеча, и мы остановились перед витражным чудищем в торце зала. Оно графически иллюстрировало летопись рода Эрвиллов со времен норманнского завоевания, когда из Октевиля, что в Котентине, Эрвиллы отправились в Англию, там распространились на север, покружили вокруг Данфермлина и Эдинбурга и наконец осели – возможно, под воздействием неких воспоминаний о мореплаваниях и землях своих предков – на краю Ла-Манша, в самом эпицентре древнешотландского королевства Далриада, потеряв в пути лишь несколько родиц и парочку букв. Присягнув на верность Давиду Первому, они остались здесь, чтобы смешать свою кровь с кровью пиктов, скоттов, англо-бриттов и викингов, которые всячески заселяли, колонизировали, грабили и эксплуатировали эту часть Аргайла или, быть может, случайно наведывались сюда и забывали убраться.

И странствия, и последовавшие за ними местные успехи клана Эрвиллов весьма и весьма интересны; жаль, что повествующее о них исполинское окно сделано так бездарно. На эту работенку напросился сын одного из школьных товарищей предыдущего вождя клана, человек, следивший за модой, но не слишком талантливый. И он выполнил все слишком буквально. Получилось смертельно скучно и крикливо; короче, глядя на витраж, я хотел скрежетать зубами.

– Да, дядя, вы правы, я думаю, – солгал я.

– Ну разумеется, я прав, Прентис, – неторопливо кивнул дядя Хеймиш.

Он лысел, но лысел по моде, которая считала, что длинные пряди волос, аккуратно зачесанные поперек голой черепушки, смотрятся лучше, чем открытый всем стихиям срам. Окрашенный свет витража скользил по блестящей коже и почти столь же ярко блестящим от бриллиантина волосам; я глядел на это свинство и думал: «Не голова, а натуральная жопа». И вдруг поймал себя на том, что невольно мурлычу подходящую музыкальную фразу из рекламы сигар «Гамлет» и думаю о Грегоре Фишере.

– Прентис, ты придешь ко мне вечером на молитву?

О черт, подумал я.

– Пожалуй, нет, дядя, – напустил я в голос уйму сожаления. – Надо в «Як» заскочить, решить один вопросик насчет девочки и джакузи. Прямо отсюда рвану.

Я снова солгал.

Дядя Хеймиш посмотрел на меня; морщины на его лбу были собраны в пучки и спутаны, карие глаза – как узлы.

– Джакузи, Прентис? – Слово «джакузи» прозвучало так, как в яковитской трагедии главный герой произносит имя своего палача.

– Да, джакузи.

– Это такая ванна, я не ошибаюсь?

– Ванна.

– Надеюсь, ты не собираешься встречаться в ванне с этой юной леди, Прентис? – Губы дяди Хеймиша медленно растянулись – вероятно, в улыбке.

– Что вы, дядя, бар «Якобит» вряд ли может похвастать таким сервисом, – сказал я. – Там и горячую-то воду в мужской туалет провели совсем недавно. Джакузи, о котором идет речь, находится в Берлине.

– Берлин? Немецкий город?

Я пораскинул мозгами: может, недослышал, может, Эш говорила о каком-то одноименном ансамбле, который недавно вошел в топ-десятку? Вряд ли.

– Да, дядя, город. Там еще стена была.

– Понятно, – кивнул дядя Хеймиш. – Берлин. – Он посмотрел на испещренный картинами средневековых битв витраж. – Это не там ли, где Ильза?

Я нахмурился:

– Тетя Ильза? Нет, она ведь, кажется, в Патагонии. Инкоммуникадо³.

Дядя Хеймиш, лицезрея ужасный фронтонный витраж, изобразил должное смущение. Затем кивнул.

– Ах да, конечно. – И взглянул на меня. – Так что же, Прентис, увидим ли мы тебя за ужином?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Скорее всего, я в баре возьму шашлычок или рыбу.

– У тебя есть ключ?

– Да, есть. Спасибо. Я... ну... ну, вы понимаете. Вы уже будете спать, когда я приду.

– Хорошо. – Взгляд дяди Хеймиша снова переместился на дурацкое рубилово. – Мы уже через полчаса поедим. Дай знать, если захочешь, чтобы мы тебя подвезли.

– Конечно.

– Договорились. – Дядя Хеймиш кивнул, повернулся, а затем снова, с крайним интересом на лице, оглянулся на меня: – А правду говорят, что мама взорвалась?

Я кивнул:

– Электростимулятор. Потому-то и приехал доктор Файф – спешил нас предупредить. Но опоздал.

Таким озадаченным я дядю Хеймиша еще ни разу не видел. Все же он кивнул и сказал беспечно: «Понятно», – и отошел, скрипя паркетом, в точности как скрипит ветвями старое дерево, и я с небольшим, но приятным удивлением догадался, что на самом деле это скрипят его черные ботинки.

Я двинулся напрямиком к буфету за выпивкой, но по пути бросил взгляд на боковое окно. Верити Божественная оттуда уже ушла.

Фортинггалл – скромных размеров деревня на холмах севернее озера Лох-Тай. Там моя тетя Шарлотта зимой 1969 года решила консуммировать свой брак. В частности, она пожелала

³ Incommunicado (лат., юр.) – без связи с внешним миром.

забеременеть под древним тисом, что растет за оградой кладбища при тамошней церквушке. Тетя Шарлотта была убеждена, что дерево (двухтысячелетнее, согласно надежным источникам) под завязку наполнено волшебной жизненной силой.

Это случилось в темную грозовую ночь (на самом деле – нет); трава у комля древнего узловатого тиса, что скрипел и корчился под напором ураганного ветра, была мокра, поэтому тете и ее мужу Стиву пришлось стоять до дрожи в коленках, и Шарлотта держалась за могучий низкий сук; вот тогда-то и вот там-то, вопреки силе тяжести, была зачата грациозная и сногшибательно-очаровательная Верити – под черными громовыми небесами, под тучами, затмившими полную белую луну, в час, когда все приличные люди лежат в своих постелях и даже неприличные люди лежат в постелях, правда не обязательно в своих. Случилось это в незнакомой пертширской деревушке, в самом конце великой и смешной хипповской эпохи.

Так рассказывает моя тетя, и я ей верю. Это каким же надо быть психом, чтобы допустить, будто какая-то сверхъестественная космическая энергия возьмет и поперет из какого-то гериатрического пня на каком-то занюханном шотландском погосте в дождливую ночь понедельника! По-моему, придумать такое нарочно совершенно невозможно.

* * *

– Не-а, она – класс, просто классный класс! Я в нее влюблен! Я обожаю ее, я принадлежу ей. Верити, возьми меня, вытащи меня из моего ничтожества! О господи!..

Я надрался. Дело было к полуночи, дело было в баре «Якобит», и дело шло к десятой кружке «экспортного», что для меня, собственно, норма. Эш с Дином Уоттом, еще парочка старых приятелей – Энди Лендганд и Лиззи Полланд – приняли на грудь примерно по столько же, но они, в отличие от меня, с поминок отправились по домам пить чай; я же почти весь день накачивался эрвилловским виски.

– Так ты, Прентис, ей об этом сказал? – спросила Эш, ставя очередную батарею кружек на шербатый медный столик.

– Ах, Эш! – хлопнул я по столу ладонью. – Преклоняюсь перед женщиной, способной за раз принести три кружки пива.

– Прентис, я спрашиваю: ты сказал ей, что влюбился? – уселась рядом Эш.

Из нагрудного кармана матросской куртки она достала бутылку крепкого сидра, а из другого – стакан с виски.

– Ух ты! – восхитился я. – Эш! Правда – ух ты! Лихо!

Я потряс головой, взял свою недопитую кружку и залпом ее прикончил.

– Отвечай девочке, – пихнул меня локтем в бок Дин.

– Нет, не сказал, – признался я.

– Трус, – обвинила Лиззи.

– Хочешь, я за тебя ей скажу? – предложил Дроид (после «Звездных войн» целое поколение Эндрю носит прозвище Дроид).

– Не-а, – сказал я. – Она ведь такая... баснословная. Такая...

– Но почему ты ей не скажешь? – спросила Лиз.

– Стесняюсь, – вздохнул я, положив руку на сердце, возведя очи горе и трепыхая ресницами.

– Да иди ты!

– Скажи ей, – потребовала Эш.

– Да к тому же у нее бойфренд, – снова вздохнул я.

– Вот оно что... – Эш уткнулась взглядом в пивную кружку.

Я пренебрежительно помахал рукой:

– Да он не в счет – чмошник.

- Ну, тогда все в порядке, – решила Лиз.
- Вообще-то, – нахмурился я, – если у Верити и есть недостаток, то лишь один: в мужчинах не разбирается.
- Э, да у тебя, стало быть, есть шанс, – весело проговорила Лиз.
- Ну да, – подтвердил я. – Она его вроде как отшить хочет.
- Прентис! – Эш постучала кулаком по столу. – Скажи ей!
- Не могу.
- Почему?
- Потому что не знаю как, – объяснил я. – Никому еще в любви не признавался. А сами-то хоть в курсе, как это делается? Какие слова ни скажешь, покажутся пошлыми, никчемными. Одни... одни клише.
- Эш презрительно глянула на меня:
- Что за чушь.
- Слышь, ты, бывалая, – наклонился я к ней, – сама-то кому-нибудь говорила, что любишь его?
- Да сто раз, милый, – пробасила Эш, дуясь, и Дин захохотал. Эш хлебнула пивка и отрицательно покачала головой: – На самом деле – ни разу в жизни.
- То-то! – сказал я.
- Эш наклонилась ко мне, ее длинный нос едва не соприкоснулся с моим.
- Идиот, пойдти к девчонке и скажи.
- Не могу, – откинулся я на спинку стула. – Не могу, и все. Она слишком идеальная.
- Чего? – нахмурилась Эш.
- Безукоризненная. Совершенная. Идеальная.
- Здорово смахивает на женоненавистническо-романтическую дурь, – фыркнула Лиз, никогда не жаловавшая подобных вещей.
- Да, смахивает, – согласился я. – Но что делать, если она – совершенство? Вы хоть знаете, где она была зачата?
- Дин и Эш переглянулись. Энди фыркнул в кружку, а Лиззи закатила глаза.
- Так-так, – закивал с крайне серьезным видом Дин. – Не там ли, где и все мы?
- Меня это настолько шокировало, что я едва не поперхнулся пивом.
- Да что ты себе позволяешь?!
- Прости его, Прентис, он глупость сказал. – Эш встряхнула головой, длинные светлые волосы рассыпались по плечам. – Но какая раз...
- Есть разница! – перебил я. – Это просто потрясающе! Мне рассказывала ее мама, тетя Шарлотта. Шизуха, конечно, но все реально. Я в том смысле, что у нее крыша съехала, но все равно... – Я снова глотнул пива. – Вся эта фигня: психическая энергия и так далее... из шотландской истории.
- Ага, просек: «В нашем роду такое случается»? – спросил Дин.
- Не-а, она не из Макхоунов... Короче, тетя вышла за англичанина по фамилии Уокер, и они в брачную ночь не консуммировали брак. Она хотела подождать, чтобы заняться этим непременно в деревне под названием Фортингалл, понятно? Это возле Лох-Тай. Она, вишь ли, что-то слышала насчет Фортингалла, там Понтий Пилат...
- Постой-ка! – перебил Дин. – А сколько прошло времени между свадьбой и перепихоном?
- А? – Я почесал в затылке. – Ну, не знаю. Может, день, может, два. Вообще-то они и раньше этим занимались. Не в первый раз у них тогда было. Просто тете Шарлотте пришла мысль, что если сделать перерывчик, а потом – под деревом, то это будет что-то особенное. А до того они трахались, точно. Вы что, забыли? Это же было поколение любви, хипари.
- Ну да, – явно смягчился Дин.

- Короче, некоторые считают, что в Фортингалле родился Понтий Пилат, и...
- Чего? – спросил, вытирая бороду, Энди. – Ну ты заливаешь!
- Так говорят, – упорствовал я. – Его папаша был в... черт!.. в седьмом легионе? Или в девятом? Черт!.. – Я снова почесал в затылке, посмотрел вниз, на свои кроссовки, и с некоторым облегчением подумал, что хоть сегодня избавлен от долгой борьбы с застежками и шнурами «мартенсов». – Или все-таки в седьмом? – рассуждал я, глядя на свои «найки».
- Ни хрена не удивлюсь, даже если это окажется Иностраный легион, – раздраженно сказал Дроид. – Уж не намекаешь ли ты, что твой сраный Понтий Пилат родился в Шотландии?
- Очень даже может быть! – Я раскинул руки и чуть не опрокинул виски Эш. – Его отец служил в стоявшем здесь легионе! Очень может быть! У римлян тут был военный лагерь, и в нем запросто мог находиться батька Понтия Пилата, а значит, тут мог родиться малютка Понтий. А почему нет?
- Все ты выдумал! – рассмеялась Эш. – Сочинитель под статью своему папаше. Помнишь, как он нам по воскресеньям байки травил?
- Я не как мой папаша! – взревел я.
- А ну, цыц! – приказала Лиззи.
- Я не как папаша! Я правду говорю!
- Ну да, ну да, – покивала Эш. – Все может быть. Люди где только не рождаются. Дэвид Бирн родился в Дамбартоне.
- И все равно, Понтий Пи...
- Кто-кто? – скорчил мину Дин. – Тот парень, что написал «Тутти-фрутти»?
- Да вы послушайте: Понтий...
- Не! Это был Джон Бирн, – сказала Лиззи. – А Дэвид Бирн – он из *Talking Heads*, тупица!
- Ладно, черт с ним, с Пила...
- И вообще, это был Литтл Ричард.
- Вы заткнетесь наконец? Я уже не про Пила...
- Чего?! Из *Talking Heads*?
- Молчать! Я вам говорю: Понтий...
- Не, это который «Тутти-фрутти» написал.
- Сдаюсь. – Я откинулся на спинку стула, вздохнул и хлебнул «экспортного».
- Да, песню, но не кино.
- Так это ж не кино, это сериал.
- Я знаю: ты знаешь, что я имею в виду.
- Терпеть не могу пьяный бред! – воскликнул я.
- Ну, я и похуже слышала, – пожала плечами Эш.
- Короче, это не кино. Это видео.
- Ни хрена-а! – возмущенно протянул Дин. – Прекрасно же видно было: это кино. Я закинул ногу на ногу, закинул руку на руку и повернулся на стуле к Эш. Потер не очень чистое лицо и сфокусировал на ней зрение.
- Привет. Часто здесь бываешь?
- Эшли пожевала губами и поглядела в потолок.
- Первый раз, – хмуро ответила она. – В клозет понадобилось, вот и зашла. – Она сгребла в кулак ворот моей рубашки, подтянула меня к себе и процедила в лицо: – Кто бы говорил?
- Хрр... ффр... – выдохнул я.
- У Эш сморщилось лицо. Не утратив, между прочим, симпатичности.
- Эй, вы, – пробасили вдруг над нами, – ваша очередь.
- Куда? – спросил я очень большого парня с очень длинными волосами.
- К бильярду. Пэ-Эм и Э-У – вы?
- О черт! Верно.

И мы с Эш пошли играть на бильярде. Я собирался ее спросить насчет берлинского джакузи, но, похоже, упустил подходящий момент.

* * *

Дядя Фергюс построил обсерваторию в семьдесят четвертом (когда божественной Верити было четыре года). При этом он хотел одним камнем убить двух зайцев. Во-первых, если верить моему отцу, Фергюсу понадобился новый телескоп, побольше и получше прежнего. У отца был трехдюймовый рефрактор под навесом в саду лохгайрского дома. Фергюс заказал шестидюймовый рефлектор. Мало того, это был демонстрационный образец: линзы и зеркало изготовлены в новом спецотделе «Галланахского стекла» – фабрики, которая принадлежала Эрвиллам и давала городу немало рабочих мест. Стало быть, дядя Фергюс получил не только роскошный и уникальный экспонат для своего отреставрированного замка, но и рекламу для фабрики – рекламу, не облагаемую налогами.

Тот факт, что телескоп располагался близковато к городу, в зоне светового загрязнения, на поверку оказался несущественным: дядя, с его-то связями, добился, чтобы на уличные фонари были надеты колпаки за муниципальный счет. И дядя Фергюс был готов в экстренной ситуации (и разумеется, в строго избирательном порядке) гасить свет в родном городе.

Его невестка пошла еще дальше: когда на сцене появилась крошечная вопящая грязненькая Верити Уокер, фонари и впрямь погасли.

Впервые с неподражаемой Верити я встретился через шестнадцать лет после ее рождения, в 1986 году, в обсерватории, угольно-черной ночью, за несколько дней до того, как поехал учиться в университет. Тогда я с великим предвкушением ожидал отъезда и свободы, и верилось, что передо мной вот-вот раскроется громадный мир, словно некий гигантский, необозримый цветок – цветок возможностей и успеха. Близняшки в то время часто устраивали посиделки – на звезды погляделки в холодной тесной полусфере на крыше малогабаритного замка.

Я припозднился; днем мы с младшим братом Джеймсом гуляли в предгорьях, а потом выдержали пытку запоздалым чаепитием – какие-то отцовские друзья заявили в гости не предупредив, и за ними пришлось ухаживать.

– Ага, вот и наш Прентис, – басом констатировала миссис Макспадден факт моего прибытия. – Как поживаешь, дружок?

Миссис Макспадден была домоправительницей у Эрвиллов – полная зычная шумная дама вечных средних лет; ее широкое мясистое лицо всегда казалось распаренным, выскобленным с мылом и мочалкой. У миссис Макс был очень громкий голос – отец часто говорил знакомым, что на ее вопеж откликаются в Файфе, и звон в ушах после близкого общения с этой дамой подтверждал, что папины слова – не шутка.

– Остальные уже наверху. Ты, мил друг, подносик нехватишь ли, а? В кофейниках кофе, а вот тут, на тарелочке, – она приподняла уголок плотной салфетки, придавившей широченное блюдо, – булочки с сосиской.

– Понял, спасибо, отнесу. – Я взял поднос. В замок я проник через кухню – парадный вход уже заперли на ночь. Вот была бы сцена, вздумай я ломиться в ворота.

Я направился к ступенькам.

– Погоди-ка, Прентис. Отдай этот шарф мисс Хелен, – сказала миссис Макспадден и встряхнула упомянутым предметом одежды. – Малютка доиграется когда-нибудь, что простудится и помрет от чахотки.

Я наклонил голову, чтобы миссис Макс набросила шарф мне на шею.

– И напомни ребятам, что хлеба полно, в холодильнике есть цыплята и сыр, и супа тоже вдоволь. Проголодаетесь – не тушуйтесь.

– Понял, спасибо, – повторил я и осторожно двинулся вверх по ступенькам.

* * *

– Э, бумага папиросная есть у кого-нибудь?

Я сощурился в ярко освещенном обсерваторском куполе. Алюминиевая полусфера в диаметре не превышала трех метров, и большую часть объема занимал телескоп. Было холодно, несмотря на электрообогреватель. Средних размеров кассетник играл что-то из *Cocteau Twins*. Дайана и Хелен в толстенных вязаных монгольских кофтах ежились за столиком в компании Даррена Уотта – шла игра в карты. Мой старший брат Льюис прилип к телескопу. Мы перездоровались.

– Это кузина Верити, помнишь ее? – спросила Хелен, наматывая принесенный мною шарф на голову Даррена. Когда выпущенный Хелен изо рта в мою сторону клуб пара рассеялся, я увидел ту, о ком шла речь.

В неподвижном основании купола было нечто вроде собачьей конуры, углубленной в чердак замка. На самом деле это была всего лишь узкая продолговатая ниша, но в такой тесноте она оказывалась очень кстати. Там в спальном мешке лежала Верити Уокер, и только верхняя часть ее тела вдавалась в пространство купола. Верити смолила косяк и одновременно скручивала следующий на обложке иллюстрированного звездного атласа.

– Добрый вечер, – сказала она мне. – Как насчет бумажки?

– Приветик, есть. – Я поставил поднос, обшарил карманы, вынул кое-какое барахло. Последний раз, когда я видел Верити Уокер, месяцев пять или шесть назад, это была тощенькая малявка с серьезным пристрастием к Шейкин Стивенсу и полным ртом ортодонтического железа. Зато теперь, как удалось мне разглядеть в дыму, у нее были короткие светлые волосы (натуральная блондинка!) и изящное, почти эльфийское личико, которое сужалось внизу и заканчивалось премиленьким подбородком – так бы и взял тремя пальчиками и подтянул бы легонько к своим губам... Глаза ее полнились синью древнего морского льда, а когда я пригляделся к коже, то в голову пришла лишь одна мысль: ух ты, город Ллойда Коула! Идеальная шкурка!

– Сойдет. – Она что-то забрала из моей руки.

– Эй! Это же читательский билет! – отнял я. – Держи. – Я вручил ей половинку подарочного купона – в книжном магазине такие на книги обменивают. Его мне мама дала.

– Спасибо.

Верити принялась резать бумагу маникюрными ножницами.

– Купон на книгу не меняем, его мы травкой набиваем, – опустил я возле нее на корточки.

Она прыснула, отчего сердце мое совершило маневры, которые приросшая к нему кровеносная система в обстоятельствах менее романтических делает топологически неосуществимыми.

– Ну че, братишка, готов к свободному плаванию? – ухмыльнулся Льюис с сиденьца под окуляром телескопа. Наклонился к столу, куда я водрузил поднос, и стал разливать кофе по чашкам.

Мой старший брат всегда казался гораздо взрослее меня, чем на два года, и чуть выше (хотя у меня метр восемьдесят пять), и крепче сбит. Да еще в ту пору его делала крупнее и солиднее борода – в стиле «лопнувший диван». Тогда была его очередь терпеть отцовскую опалу – Льюис только что вылетел из университета.

– Да, собрался, – ответил я. – Уже и жилье нашел. – Я кивнул на телескоп: – Нынче интересненькое что-нибудь показывают?

– Как раз навел на Плеяды. Глянь-ка.

Мы по очереди пилились на звезды, играли в карты, терлись о калорифер и сворачивали косяки. Я с собой прихватил полбутылки виски, а у близняшек было бренди; то и другое пошло на крепление кофе. Этак через часок после того, как была съедена последняя булочка с сосиской, нас снова пробило на хавчик, и близняшки отправились в недра замка на поиски мифического Супового Дракона; мы разговаривали на чикчирикe, пока они не вернулись с дымящейся супницей и полудюжиной глубоких тарелок.

– Ну и где ты, Прентис, кости бросишь? – спросил Даррен Уотт.

– В Хиндленде, – ответил я, хлебнув супчику. – Лодердейл-Гарденс.

– Так это ж впритык к нам. Придешь тринадцатого? Вечеринка намечается.

– Как карта ляжет. – На самом деле я собирался на те выходные ехать домой, но мог и запросто поменять план.

– Давай закатывайся, будет прикольно.

– Спасибо за приглашение.

Даррен Уотт учился на последнем курсе художественной академии и был, по крайней мере для меня, воплощением шика. Два года назад, когда отзвенели новогодние колокола, мама отвезла нас с Льюисом в Галланах, и мы отправились на вечеринку к Дроиду и его чувакам. Там был и Даррен – белокурый, долговязый, тощий и угловатый и донельзя стильный. Меня восхищало, как он носил шелковый шарф поверх красного бархатного пиджака. Шарф этот на ком другом смотрелся бы по-дурачки, но Даррен выглядел сущим денди. Он всучил эту штуквину мне, и, когда я пытался возражать, Даррен объяснил, что шарф ему надоел и лучше отдать его тому, кто оценит, и никто тебе не мешает тоже от шарфа отделаться, когда надоест. Поэтому я взял подарок. Обыкновенный шелковый шарф, единожды перекрученный, с аккуратно сшитыми концами, – и это, разумеется, превращало его в ленту Мёбиуса, в топологическое чудо, которое меня тогда завораживало. Мне и Даррен казался чудом, и я даже одно время гадал, а ну как я и сам гей, но потом решил: нет, не похоже.

Если быть до конца честным, главным соблазном, заманившим меня к Даррену на вечеринку, был тот факт, что он делил квартиру с тремя слюноотделительно-умопомрачительными и маниакально-гетеросексуальными студенточками-художницами. Годом раньше Даррен привозил этих цыпочек в Галланах, тогда-то я с ними и познакомился.

– Так ты еще строишь модели волноэнергетических хреновин? – спросил я, доедая суп.

Даррен подчищал свою тарелку кусочком хлеба, и я поймал себя на том, что подражаю ему.

– Ага, – с задумчивым видом ответил он. – И даже вроде спонсора для натуральной величины нашел.

– Что, правда?

– Да. – Даррен ухмыльнулся. – Заинтересовалась крупная фирма по производству цемента. Большой грант обещают.

– Ух ты! Мои поздравления.

Вот уже полтора года Даррен мастерил из дерева и пластика скульптуры в одну десятую величины, мечтая когда-нибудь сделать их полномасштабными, из бетона и стали. Фишка заключалась в том, чтобы украшать такими штуквинами берега. А для этого требовались разрешение властей, много денег и волны. Скульптура у него была специфическая: мобили и фонтаны, работающие на энергии и воде моря. Когда набегают волна, вращается огромное колесо или по трубам идет воздух, и получаются сверхъестественно оглушительно-сокрушительные басовые ноты, а еще дичайшие стенания и завывания; а можно саму воду по желобам и воронкам куда-нибудь отвести, и как вдарит китовыми фонтанами из верха и боков скульптуры! Все это казалось классным и вполне осуществимым, и мне бы очень хотелось воочию увидеть подобное диво – так что, выходит, Даррен сообщил хорошую новость.

Я спустился отлить, а вернулся уже в разгар добродушного, но бестолкового спора.

– Что значит – нет? – спросила Верити из своей конурки, из спального мешка. – Что ты имеешь в виду?

– Я хочу спросить: что есть звук? – сказал Льюис. – По определению, это то, что мы слышим. Значит, если рядом никого нет, то и слышать некому...

– По-моему, это слишком антропо... софично?... центрично? – сказала из-за карточного столика Хелен Эрвилл.

– Но как они могут падать беззвучно? – возразила Верити. – Это же полная чушь.

Я наклонился к Даррену, сидевшему с ухмылочкой на лице.

– О чем речь? О том, как в лесу деревья падают? – спросил я.

Он кивнул.

– Но ты же не слушаешь... – сказал Верити Льюис.

– А может, это ты ни звука не издал?

– Прентис, умолкни, – не удостоив меня взглядом, велел Льюис. – Я говорю: что есть звук? Если определить это явление как...

– Да как ни определи, – перебила Верити. – Если дерево ударяется оземь, это вызывает сотрясение воздуха. Я стою возле дерева, когда оно падает, и чувствую, как вздрагивает земля. Разве она не вздрагивает, когда рядом нет никого? Воздух должен двигаться... должно быть... движение в воздухе: молекулы... Я имею в виду...

– Волны сжатия, – подсказал я, кивая Верити и думая о дарреновских волноэнергетических органах.

– Да, это вызывает волны сжатия. – Верити признательно помахала мне ладошкой – о, как подпрыгнуло мое сердце! – Слышат птицы, животные, насекомые...

– Постой! – сказал Льюис. – Предположим, что нет вокруг никаких...

Да, по большому счету это было глупо, смахивало на полемический эквивалент белого шума, но мне импонировала линия Верити – линия крепкого бытового здравомыслия. И к тому же, пока Верити говорила, я мог на нее пялиться, и никому это не казалось подозрительным, и это было здорово. Я в нее влюблялся. Красота плюс мозги. Класс!

Потом были еще звуки, и были еще затяжки, и было разглядывание звезд. Льюис изобразил, как радиоприемник перенастраивают с волны на волну: губы купно с пальцами производили удивительно похожие на шумы эфира звуки, и вдруг вторгались дурацкие голоса: диктора, конферансье, эстрадного комика, певца... «Тррррршшш... сообщает, что члены лондонской зороастрийской общины забросали бутылками с горючим редакцию газеты “Сан” за богохульство... зззоооуууаааннннжжж... Блягодалю, блягодалю, ляди и дъзентильмены, а сисяс длюзьно поднимем люки за сиамиких блязнисов... крррааашшшшуууашшшшааа... Бобби, ты это пробовал? Ну еще бы не понравилось! Лапша “Доширак”, кто съел, тот дурак!.. Хей, хей, мы – наркома-аны! Мы – наркома-аны... зпт!»

Ну и так далее. Мы смеялись, пили кофе, курили.

Телескоп был черным и мощным, как сама ночь. Алюминиевый череп обсерватории повторял движения единственного зрака, который медленно полз по развернутой паутине звезд. Вскоре и у меня как будто поползла крыша. Музыкальная машинка играла где-то далеко, очень далеко. И когда до меня начал доходить смысл песни «Близнецов Кокто», я понял, что поплыл. В таинственной галактической гармонии звучали небесные тела, космос играл мне симфонию древнего дрожащего света. Льюис рассказывал всякие жуткие истории, чередуя их с крайне несообразными хохмами, а близняшки в свитерах, с иссиня-черными длинными волосами, обрамляющими широкие скуластые лица, нахохлились над карточным столиком; они походили на гордых монгольских принцесс, спокойно созерцающих Вселенную из дымной юрты с жердяным каркасом, которую наступление ночи пришилило к земле посреди бескрайней азиатской степи.

Верити Уокер, забыв свою роль завязанного скептика, гадала мне по ладони; прикосновение ее было словно теплый бархат, голос – точно говор океана, а каждый зрачок – голубоватое солнце, висящее в миллиарде световых лет от меня. Она нагадала, что ждет меня печаль, и ждет меня счастье, и будет мне плохо, и будет мне хорошо, и я во все это поверил, а почему бы и нет, и последнее пророчество было на чикчирикe, искусственном птичьем языке из детской телепередачи, которую мы все смотрели подростками, – и она пыталась щебетать с серьезной миной на лице, но Лео, Дар, Ди и Хел без конца прыскали, и даже я ухмылялся. Тем не менее весь последний час я счастливо подпевал потусторонним голосам *Cocteau Twins* и четко понимал все, что говорила Верити, пусть даже она сама этого не понимала; и я окончательно влюбился в васильковые глаза, и пшеничную копну волос, и в персиковый бархат кожи.

* * *

– Так что ты там бухтел насчет Пилата? – спросила Эш.

– А... – Я помахал ладонью. – Это слишком сложно.

Мы с Эш стояли на невысоком кургане, откуда открывался вид на верфь Слэйт-Майн, что на юго-западной окраине Галланаха, где Килмартин-Бэн течет с холмов, сначала помаленьку петляет, а затем расширяется, образуя часть Галланахской бухты, прежде чем его воды окончательно сольются с глубокими водами Иннер-Лох-Кринана. Это здесь стояли доки, когда поселенцы вывозили сначала уголь, потом сланец, потом песок и стекло, до того как проложили железную дорогу и началась джентрификация в мягкой викторианской форме – представ в облике железнодорожной пристани, гостиницы «Стим-пэкет-хоутел» и горсти вилл с окнами на море (неизменным остался только рыболовецкий флот, стихийно сгрудившийся посреди внутренней бухты, в каменных объятиях города, распухая, умирая, снова расцветая и опять приходя в упадок).

На холм меня затащила Эшли, в том часу глухой ночи, когда небо делается чистым, а звезды светят ровным и резким светом из глубины ноябрьской тьмы. Перед этим в баре «Якобит» мы победоносно сыграли на бильярде, а потом отправились домой к Лиззи и Дроиду через «Макрели» (точнее, через «Империю быстрого питания Маккреди»), и поужинали пудингом и пирогом с рыбой, и выпили по чашке чая, и долбанули по косячку, и двинули в гости к Уоттам на Рованфилд, и там обнаружили, что миссис Уотт еще не спит, смотрит ночные телепередачи, и она тоже напоила нас чаем, и мы наконец чуток придавили ухо в комнате Дина.

– Ребята, я созрела прогуляться, вы как? – заявила Эш, выходя из туалета под шум бачка и натягивая пальто.

У меня вдруг возникло параноидальное подозрение, что я злоупотребил гостеприимством и по своей пьяной близорукости не уловил тьмы намеков. Я глянул на часы, вручил недокуренный косяк Дину.

– Пожалуй, и мне пора.

Я попрощался с миссис Уотт, Эш сказала, что вернется минут через пятнадцать.

– Я вовсе не пытаюсь от тебя избавиться, – сказала Эш, затворив за нами дверь.

– Черт, кажись, я стал толстокожим, – посетовал я, когда мы пошли по короткой дорожке к воротцам в низкой ограде сада.

– Прентис, тебе это не грозит, – рассмеялась Эш.

– Ты и правда собралась гулять в такое время?

Я глянул вверх: середина ночи и холодно. Надел перчатки. Из рта вырывались плотные белые клубы.

– Ностальгия. – Эш остановилась на мощеной дорожке. – Схожу напоследок туда, где часто бывала в далеком детстве.

– Вот оно что... Это далеко? А можно и мне?

Я всегда питал сугубый интерес к местам, которые люди считают важными, например дающими силу. Конечно, выпил бы поменьше, не стал бы так грубо набиваться в попутчики. Но что сделано, то сделано. К счастью, Эш не обиделась – со смехом повернулась кругом и сказала:

– Ладно, пошли, тут недалеко.

И вот мы на месте. На курганчике всего в пяти минутах от дома Уоттов. Прошли по Брюс-стрит, сквозь дощатый забор, через Обан-роуд, по заросшему бурьяном пустырю, где в прошлом стояли доки.

Теперь бывшая верфь была от нас метрах в десяти: голый скелет крана накренился над истрескавшейся бетонкой, под ним из бока пристани торчали деревянные сваи, словно черные сломанные кости. В лунном свете блестела грязь. У моря был вкус, и у моря был далекий блеск, но мерцание это почти исчезало, когда я пытался приглядываться. Эш, похоже, погрузилась в раздумья, она смотрела вдаль, на запад. Дрожа от холода, я застегнул на кнопки широкие отвороты липовой байкерской куртки и поднял замок молнии на правом плече, закрыл глянцевою кожей шею до подбородка.

– А можно спросить, чего это мы здесь делаем? – проговорил я.

Позади нас и слева ровно горели оранжевые огни Галланаха – как и во всех английских городах, вечно предупреждали жителей о том, что на ночных дорогах клювом лучше не щелкать.

Эш тяжело вздохнула, резко качнула головой вниз – указывала на землю под ногами.

– Прентис, ты хоть знаешь, что это такое?

Я тоже опустил голову.

– Ну, кучка.

Эш смотрела на меня, ждала ответа.

– Ладно, ладно. – Я резко оттопырил локти (развел бы руками, но предпочел держать их, хоть и обтянутые перчатками, в карманах). – Сдаюсь. Что это такое?

Эш наклонилась, и я увидел, как бледная рука сначала погладила траву, а потом зарылась в нее и глубже, в почву. Несколько секунд моя спутница сидела на корточках, потом подняла руку, встала, стряхнула землю с длинных белых пальцев.

– Это балластный курган, Прентис, Мировой холм. – Я почти разглядел ее улыбочку в свете выпуклой луны. – Сюда приходили корабли со всего мира и привозили всякую всячину, но некоторые прибывали без груза, с одним балластом. Понял?

Она смотрела на меня.

– Ага, балласт, – кивнул я. – Я знаю, что такое балласт. Это чтобы корабль не отправился вдогонку за паромом «Геральд оф фри энтерпрайз».

– Обыкновенные камни, набирали их там, откуда корабль отправлялся, – проговорила, снова глядя на запад, Эш. – А когда корабль прибывал в порт назначения, камни становились не нужны, и их сбрасывали.

– Сюда? – выдохнул я, на этот раз с уважением оглядев скромный курган. – Всегда – сюда?

– Мне об этом дедушка рассказывал, когда я была совсем малявкой, – сказала Эш. – Он тогда в доках работал. Бочки катал, стропы ловил, таскал в трюмы мешки и ящики. А позже крановщиком сделался. – Эшли произнесла слово «крановщик» на подходящий клайдсайдский манер.

Я опешил: вот уж не ожидал, что до понедельника, до возвращения в университет, буду вынужден стыдиться пробелов в своем историческом образовании.

– Ты прикинь, чувачок, – сказала Эшли, – у тебя целый мир под ногами.

Эшли улыбалась, вспоминая.

– Никогда не забуду, как в детстве сюда приходила. Приходила одна, и часто – просто посидеть. Думала: надо же, я сижу на камне, который был раньше частичкой Китая, или Бразилии, или Австралии, или Америки...

Она снова опустилась на корточки, а я прошептал:

– Или Индии...

И на долгий головокружительный миг жилы мои как будто наполнились океаном, темной подвижной водой – такой же точно, как та вода, что точила кромки полуразвалившейся пристани. Я подумал: боже мой, до чего же тесно мы связаны с миром. И вдруг поймал себя на том, что вспоминаю дядю Рори, связавшего наш род со всей остальной поверхностью планеты. Дядя Рори, наш вечный скиталец... Я посмотрел вверх, на истрескавшийся лик луны; меня охватили сладостные чувства: ожидание чуда и жажда познаний.

* * *

Мой дядя Рори, когда был еще моложе меня, покинул отчий дом. Он задумал кругосветное путешествие, но добрался только до Индии. И влюбился в эту страну, исходил ее, изъездил вдоль и поперек: из Дели – в Кашмир, потом вдоль предгорий Гималаев; пересек Ганг у Патны, проспавши в поезде этот знаменательный момент; потом сделал зигзаг из глубины страны до океанского побережья, и снова – вглубь; но всегда держал или пытался держать путь на юг. Он коллекционировал имена, паровозы, друзей, ужасы и приключения, а потом на самом краешке субконтинента, с последнего камня, омываемого низким прибоем на мысе Коморин, дождливым днем в наихарчайшую летнюю пору, повернул назад – и ехал на север, и шагал на запад, виляя по-прежнему, направляясь то в глубь Индии, то к морю, и обо всем увиденном, услышанном и пережитом писал на страницах дешевых школьных тетрадей, и упивался дикой культурой этого людского океана, и любовался циклопическими руинами и сказочной географией, и дивился слоеному пирогу из древних обычаев и современной бюрократии, и благоговел перед причудливыми образами богов, и поражался непомерному величию всего и вся. Он описывал увиденное им: города и села, перевалы через горы, пути через равнины, мосты через реки; и города, о которых мне доводилось слышать, такие как Сринагар и Лакхнау; и города, чьи названия у всех на слуху из-за их теснейшей связи с карри – такие как Мадрас и Бомбей; а еще те города, которые, по его чистосердечному признанию, он посетил только за их имена: Аллеппи и Деолали, Куттак и Каликут, Вадодара и Тривандрам, Сурендранагар и Тонк... Но где бы ни оказывался дядя Рори, он везде смотрел и слушал, он спрашивал и спорил; он все пропускал через себя и мотал на ус; он проводил безумные параллели с Англией и Шотландией; он ездил автостопом и верхом; он добирался вплавь и пешком, а когда денег не оставалось ни гроша, зарабатывал на ужин фокусами с картами и рупиями; и он снова добрался до Дели, а потом до Агры и совершил паломничество из ашрама к великому Гангу; и там от солнцепека и величия происходящего совсем окосел; и наконец, он вытерпел долгое плавание на барже, и поездом доехал до Калькутты, и самолетом долетел до Хитроу, едва живой от желтухи и хронического недоедания.

Проведя в лондонской больнице месяц, он уселся за пишмашинку, потом собрал у себя в квартирке друзей, прочитал путевые заметки и дал им название: «Деканские траппы и другие чертовы кулички». И отправил в издательство.

Казалось, рукопись канула бесследно. Но вдруг «Траппы» стали печататься кусками в воскресной газете и ни с того ни с сего, совершенно необъяснимым, казалось бы, образом привлекли к себе жгучий интерес читающей публики.

В возрасте тринадцати лет я прочел «Траппы», перечитал через четыре года и тогда уже понял их лучше. Мне трудно быть объективным, но думаю, это хорошая книга, кое в чем сыроватая и наивная, но интересная и живая. Дядя Рори путешествовал с открытыми глазами, без

фотоаппарата, и записывал впечатления на страницах дешевых тетрадей, и записывал так, как будто боялся: он не сможет поверить в то, что увидел, услышал и испытал, пока это не оживет где-нибудь еще, не только в его замороженной душе. Поэтому он мог описать путешествие к Тадж-Махалу, который ты прежде знал лишь по скучным открыткам, так, что у тебя мгновенно создавалось впечатление об истинной красоте этой белой усыпальницы – изящной, но массивной, небольшой, но все же беспредельно величавой.

Эпическая грация. Этими двумя словами он выразил всю сущность Тадж-Махала, и я абсолютно точно понимаю, что он имел в виду.

Вот так наш Рори сделался знаменитым – очарованный странник, бредущий на фоне радужных гор.

* * *

Эш присела на корточки, вертя между пальцев сорванную с кургана травинку.

– Я часто сюда приходила. Особенно когда папаша, сволочь, маму лупил, а то и нам доставалось. – Она посмотрела на меня. – Прентис, останови меня, если ты об этом уже слышал.

Я тоже опустил на корточки. Потряс головой – не в знак отрицания, а чтобы в ней прояснилось.

– Ну, конкретно, может, и не слышал, но догадывался: житуха тебе медом не казалась.

– Вот уж точно, блин, не казалась, – с горечью подтвердила Эш. Травяное перышко проскальзывало между ее пальцами, возвращалось и снова проскальзывало. Эш подняла глаза, пожалала плечами. – Иногда я сюда приходила только потому, что в доме невыносимо воняло горелым жиром, или телик орал на полную мощность, или просто хотелось напомнить себе, что существует целый мир, кроме дома сорок семь по Брюс-стрит, кроме бесконечной грызни над каждым пенсом, кроме споров о том, кому из нас пришел черед получать новую обувь.

– М-да, – сказал я, в основном потому, что поумнее слов не нашел. Мне, пожалуй, неловко сделалось при упоминании, что общество состоит не только из отпрысков благополучных семейств.

– Ну, короче, – заговорила она, – завтра тут все сровняют.

И оглянулась через плечо:

– Ради завода этого гребаного.

Я только сейчас заметил в отдалении на пустыре смутные контуры двух бульдозеров и экскаватора «JCB».

– Во суки, – выразил я соблезнование.

– Эксклюзивный контракт на застройку берега коттеджами в модном стиле «Рыбацкая деревня», с гаражами на две машины и свободным вступлением в частный оздоровительный клуб, – сказала Эш с клайдсайдским акцентом.

– Гады! – возмущенно мотнул я головой.

– Да ладно, чего там, – поднялась Эшли. – Надо же среднему классу Глазго куда-нибудь распозлаться после геройской победы над коварными водами канала Кринан. – Она в последний раз погладила землю. – Надеюсь, ему тут понравится.

Мы с Эш уже повернулись, чтобы спуститься с кургана, и тут я схватил ее за руку.

– Слышь?

Она обернулась ко мне.

– Берлин, – сказал я. – Джакузи.

Только что вспомнил.

– А, ну да.

Она зашагала вниз по склону, к зарослям бурьяна, мусору и невысоким, по лодыжку, остаткам кирпичных стен. Я поспешил следом.

– Я была во Франкфурте, – сказала она. – Помнишь мою подружку по колледжу? Мы услышали, что в Берлине начались большие дела, и махнули туда автостопом и поездом, а там повстречались с... Короче, я очутилась в одной стремной гостинице, в бассейне, и это была типа огромная массажная ванна, и в ней, в уголке, типа островок, и один пьяный чувак, англичанин, пытался меня склеить, все прикалывался над моим акцентом и...

– Вот ведь козел! – сказал я, когда мы вышли на большак.

Мы подождали, пока мимо проскочит пара автомобилей. Они ехали из города на север.

– Вот и я так решила, – кивнула Эшли, пересекая вместе со мною шоссе. – Ну, короче, когда я ему сказала, откуда родом, он перестал врать, будто отлично знает эти места, и охотился здесь, и рыбачил, и что он знаком с лэрдом, и...

– А что, у нас есть лэрд? Надо же, я ни сном ни духом... Может быть, он дядю Фергюса имел в виду?

– Может быть. Вообще-то иногда он говорил довольно интересные вещи... Сказал, что тут одного чувака водят за нос, и уже давно, и зовут его вроде...

Эш остановилась на дорожке, что вела к Брюс-стрит. Мой путь к дому дяди Хеймиша лежал напрямик по шоссе.

Я окинул взглядом дорожку, освещенную одиноким желтым фонарем на полпути между нами и Брюс-стрит. Потом снова посмотрел в глаза Эшли Уотт.

– Случайно не Макхоун?

– Угу, – кивнула Эш.

– Хм, – сказал я. Потому что Макхоуны не так уж часто встречаются в наших краях, да и в любых других. – И кем же этот парень оказался?

– Журналюгой. Но это для прикрытия главного сдвига по фазе.

– А как его звали?

– То ли Рудольф, то ли как-то похоже, а фамилию не помню. Сам не представлялся, его при мне кто-то назвал.

– Что ж ты не выпытала? Нет бы пустить в ход женское обаяние.

– Ну, если честно, в то время оно было практически целиком отдано компьютерщику с плечами шире прерии и золотой карточкой «Ам-экс».

Эш лукаво улыбнулась.

Я негодуяще покачал головой:

– Ну ты шалава!

Эш взялась за мои яйца через ткань «пятьсот первых» и вполне ощутимо сжала. У меня аж дух перехватило.

– Прентис, следи за языком.

Она отпустила меня, но тут же подалась вперед, прижалась губами к моим губам, языком провела по зубам, а затем повернулась и пошла прочь.

– Оба-на! – сказал я. Старые добрые шарики ныли, но не шибко. Я кашлянул и произнес как можно спокойнее: – Доброй ночи, Эшли.

Эш повернулась, ухмыльнулась, затем полезла во внутренний карман большой куртки флотского покроя, с медными пуговицами, что-то достала и бросила мне. Я поймал. Кусочек серого бетона. С одной стороны гладкий и темный.

– *Die Mauer*⁴, – сказала, возвращаясь, она. – Взято, если хочешь знать, у Бранденбургских ворот. «Viele viele bunte Smarties!»⁵ Красная краска – середина точки над последней «i». У тебя в руке обломок мира, разделявшего две Германии.

Я поднес к глазам зернистый бетон и восхитился:

⁴ Стена (нем.).

⁵ Много, много пестрых «Смартиз»! (нем.)

– Оба-на!

Светлые волосы Эш мелькнули под уличным фонарем и растаяли в темноте.

– Оба-на!

Глава 4

Он окинул солар взглядом. По-прежнему большое новое окно с фронтоной стороны было затянуто листом прозрачного полиэтилена, который хрустел и шуршал на ветру под дождем. А еще был исполосован колеблющейся решеткой темных линий – снаружи бросали тень строительные леса. В зале с высоким потолком пахло краской, лаком, свежеструганым деревом и сохнувшей штукатуркой. Он подошел к одному из витражных окон, постоял, глядя, как низкие облака плывут над Галланахом и окутывают тусклый город извилистыми вуалями дождя, которые они притащили за собой, точно шлейф огромного серого платья.

– Папа, папа! Дядя Фергюс сказал, нам можно на крышу с мамой, только осторожно! Можно? Ну пожалуйста! Честное слово, не упадем!

В зал прискакал Льюис, он тянул за собой малыша Прентиса. На Льюисе была непромокаемая курточка, а Прентис свою тащил по блестящему паркету.

– Ладно, сынок.

Кеннет опустил на колени, надел курточку на младшего сына, застегнул. Тем временем Льюис вприпрыжку носился по залу и улюлюкал.

– Льюис, не надо так громко, – сказал Кеннет, но не слишком строго.

Прентис улыбнулся отцу.

– Па-апа-а, – произнес он ломким голосом, растягивая гласные, – я хочу в туалет.

Кеннет вздохнул, натянул капюшон на голову сына, но тут же снял.

– Хорошо, мама ответит. Льюис! – крикнул он. Льюис виновато отпрянул от банок с краской, которые уже было принялся изучать, и подбежал к отцу.

– Пап, как здорово! А у нас тоже будет замок?

– Нет, сынок, нам это не по карману. Отведи-ка брата к маме, ему надо в туалет.

– У-у-у... – завыл Льюис, негодуяще уставившись на младшего, а тот только ухмылялся да утирал нос рукавом курточки.

Льюис пихнул Прентиса в спину:

– Вечно ты все портишь!

– Льюис, делай, что сказано, – встал Макхоун-старший. Колени откликнулись болью. – Ступайте. И поосторожнее на крыше. – Он махнул рукой на двустворчатую дверь, через которую вошли сыновья.

Льюис изобразил целую пантомиму: раскачивался, как пьяный, на ходу, нога цеплялась за ногу. Прентиса он тянул за собой за шнурок капюшона.

– Льюис! За руку! – потребовал Кеннет.

– Ну, парень, ты и цаца! – сказал у двери Льюис младшему брату. – Сколько ж возни с тобой!

Прентис повернулся и помахал свободной рукой отцу.

– До свидания, па-апочка, – прозвучал слабый голосок. После чего Прентис был выдернут из комнаты.

– До свидания, сынок, – улыбнулся Макхоун-старший. И снова повернулся к окну и дождю.

* * *

– У-у-у... тут мокро.

– Не сахарный, не растаешь. Че разнылся? Ты же не девчонка?

– Нет, я не девчонка. Но если испачкаюсь...

- У тебя папаша богатенький. Можешь хоть каждый день в новых шмотках приходить.
- Не мели чепухи. Я просто хотел сказать...

Кеннет понимал обе точки зрения. Лахи в грязной рубашке, застегнутой на разномастные пуговицы и булавку, в потрепанных, залатанных коротких штанишках, что пузырились на коленях и, наверное, раньше принадлежали двум старшим братьям, вдобавок щеголял свежим синяком под глазом – скорее всего, синяк поставила отцовская рука. На Фергюсе была добротная, тщательно подобранная по размерам одежда: короткие брючки из серой саржи, новая синяя фуфайка и твидовый пиджачок с кожаными нашивками на локтях. Даже Кеннет рядом с ним чувствовал себя плоховато одетым. Его шорты были заштопаны сзади, хотя новую одежду он получал всегда в свой черед. Все девочки носили юбки, блузки и фуфайки; носочки у них были не серые, а белые. Эмма Эрвилл носила пальто с капюшончиком, отчего была похожа на маленькую фею.

- Так мы играем или не играем? – спросила она.
- Спокойствие! – повернулся Лахи к девочке, державшей велосипед. – Терпение, крошка.

Эмма посмотрела в небо и фыркнула. Рядом с ней сестра Кеннета Ильза, тоже приехавшая на велосипеде, покачала головой.

Замок стоял на склоне холма. Вокруг него с высоких деревьев еще капало, и неровные, грубо отесанные камни были темны от недавно прошедшего дождя. Через листья плюща, цеплявшегося к одному из боков старинного сооружения, просвечивало водянистое солнце, а в глубине леса ворковал дикий голубь.

- Так какого черта ждем? – Фергюс Эрвилл прислонил к дереву велосипед.

Лахи Уотт своему велосипеду дал упасть на землю. Кеннет аккуратно положил свой на мокрую траву. Девочки прислонили велики к деревянным перилам в начале моста. Короткий деревянный мост, чуть шире телеги, пересекал овраг футов тридцати длиной, с крутыми склонами и густым кустарником на дне. В самом низу, среди кустов, плескался и пенился ручеек; он выбегал из леса, с трех сторон огибал задернованную скалу, на которой стоял замок без крыши, срывался водопадцем и уже неторопливо путешествовал дальше, возле автотрассы впадая в реку Эдд, так что его воды далее протекали через город Галланах и вливались в бухту возле железнодорожной пристани.

Вдруг вышло солнце, сделало траву яркой, листья плюща – блестящими. С приглушенным ревом пролетел по лесу ветер, всюду просыпав водяные капли. Примерно в миле, на виадуке у Бриджента, Кеннет увидел поезд; западный ветер уносил его шум прочь от детей, но зато Кеннет мог разглядеть пар, которым часто выстреливала труба из темного локомотива и который вытягивался назад, расстилался по крышам полудюжины купейных вагонов и тут же разрывался на белые тающие клочья.

- Короче, – сказал Лахи, – кто первым вводит?
- Не вводит, а водит, – поправил Фергюс.
- Ты меня еще поучи, сопляк. Так кто вводит?
- Может, «Вышел месяц из тумана»? – предложила Эмма.
- О господи! – затряс головой Лахи. – Ну, давай, что ли.
- Не надо поминать имя Господа всуе, – сказала Эмма.
- И всуе! – хихикнул Лахи. – Ах ты, боже мой, ну до чего ж мы нежные!
- Я христианка, – гордо сказала Эмма. – Я думала, ты тоже христианин, Лахлан Уотт.
- Я протестант, – возразил Лахи, – вот кто я.
- Ну, так мы будем играть или не будем? – спросила Ильза.

Дети встали в кружок, Эмма проговорила считалку. К великому раздражению Лахи, искать выпало ему.

Кеннет еще ни разу не бывал в старом замке. Раньше удавалось лишь увидеть его из дома, и то если специально высматривать. Правда, в отцовский бинокль его можно было неплохо раз-

глядеть. Замок принадлежал Эрвиллам, и хотя Эрвиллы и Макхоуны дружили годами (поколениями, сказал отец, а это куда дольше, чем годами), мистер Робб, на чьей ферме стоял памятник старины, детей не жаловал, гонял их со своих полей и из рощ, даже пугал дробовиком. Только Фергюс и Эмма Эрвиллы не боялись – их прогонять мистер Робб не смел. Кеннет подозревал, что мистер Робб – затаившийся враг из пятой колонны, может, он даже натуральный нацист, прячет немцев с потопленной подлодки или готовит место для высадки парашютистов. Но хотя и сам Кеннет, и еще кое-кто из детей несколько раз тайком проникали в лес и следили за мистером Роббом, он ничем не выдал своих преступных намерений.

Зато дети изучили запретный парк. И теперь решили, что стоит осмотреться и в замке.

Там неплохо сохранились подземные помещения и каменная лестничная шахта; лестница поднималась вверх и проглядывала посреди руин, в окружении камней, земли и сорной травы. Отсюда она уходила дальше, ввинчивалась в круглую угловую башню, обрываясь на давно исчезнувшем этаже – там остался только дверной проем, за которым проглядывала центральная стена. Другая лестница пронизывала сами стены по ту сторону внутреннего двора, поднималась через их толщу, минувя еще три дверных проема, с примыкающими балюстрадами; ступеньки вели к двум комнаткам у верхних оконечностей темных дымоходов – построенные к стене снаружи, они спускались до цоколя.

В замке была уйма темных закутков и тенистых уголков, где можно спрятаться, а еще было много оконных и печных проемов высоко в толстых стенах, и вот бы туда залезть, кабы силенки да смелость, и отчего бы с винтовой лестницы не перебраться на самый верх развалины, и там прогуляться по самым кромкам обросших плющом стен в шестидесяти с гаком футах над землей, и увидеть оттуда море за Галланахом, или горы на севере, или лесистые холмы на юге. Ближе, позади замка, за мостом находился парк, обнесенный оградой, запущенный – плотные заросли рододендронов под араукариями и буйство экзотических цветов, что в летнюю жару приманивали гудящие рои насекомых.

Договорились так: прятаться можно в любом месте замка, Лахи остается за мостом на дороге и медленно считает.

Дети хихикали, шикали друг на дружку, суетились, но вскоре все разбежались по укрытиям. Кеннет забрался в оконный проем на верхотуре и засел там на корточках.

Наконец Лахи пошел в открытый холл замка, огляделся. Несколько секунд Кеннет следил за ним, затем подался вперед, прижался как можно плотней к каменному подоконнику.

Он был в восторге оттого, что его никто не мог найти, хотя Лахи уже отыскал всех остальных, и все они кричали, чтобы Кеннет выходил, пора играть по новой. Но он лежал на подоконнике и ловил всей кожей сырой бриз, который, залетая в окно, щекотал волоски на голых щиколотках Кеннета. Он слушал крики детей, разносившиеся эхом в пустой раковине замка, голоса ворон и диких голубей с ближних деревьев и чувствовал запах темных влажных мхов и сорной травы, нашедших приют среди выветренных серых камней. Глаза были все время зажмурены, и он, слушая, как дети ищут его и зовут, испытывал непривычную тугую дрожь в животе, отчего хотелось стиснуть зубы и крепко сцепить ноги, и он боялся, что намочит штаны. Мне тут нравится, подумал он. И мне нет дела до того, что идет война, что дядя Фергюса погиб в Северной Африке, а Вулли Уотта убило в Северной Атлантике, а Лахи достается на орехи от папаши, а нам, наверное, придется переехать, потому что мистер Эрвилл просит освободить его дом, и мне совсем не дается тригонометрия, и немцы готовят вторжение. Мне тут очень нравится. Если бы я прямо сейчас умер – плевать. С высокой колокольни плевать.

Лахи наконец забрался на самый верх стены и лишь оттуда углядел Кеннета. Кеннет спустился, зевая во весь рот и протирая глаза, – уснул, понимаете ли. Что, я победил, оказывается? Ой, до чего здорово!

Они еще поиграли и посмеялись над выигравшим Фергюсом – он прятался в комнатках наверху второй лестницы, и Кеннет сообразил, что это за комнатки. Туалеты, вот что!

И никакие не дымоходы к ним примыкают – туда, в эти отверстия, делали по-большому и по-маленькому. Фергюс прятался в сортире! А еще боялся замараться!

Фергюс не соглашался с тем, что это туалеты. Там совершенно чисто и не пахнет – дымоходы наверняка.

– Дымоходы – задние проходы! – ржал Лахи. – Очки-толчки!

Эмма фыркала, но не улыбаться не могла.

– Дымоходы! – отчаянно стоял на своем Фергюс, глаза на мокром месте.

Он посмотрел на Кеннета, словно ожидал поддержки. Кеннет опустил взгляд на утоптанную землю под ногами.

– Сральники, сральники! – хохотал Лахи. – Фергюс прячется в клозете, не играйте с Фергом, дети!

– Дымоходы! – протестовал побагровевший Фергюс, угрожая сорваться на визг.

– Фергюс – это жопа с ручкой! Не хотим дружить с вонючкой!

Кеннет смотрел, как Фергюс дрожит от бешенства, а Лахи скачет по кругу и скандирует:

– Вы знакомы с этой штучкой?! Познакомьтесь: жопа с ручкой! Не хочу играть с вонючкой!

Фергюс в бессильной ярости таранился на сестру и на Кеннета, как будто считал их предателями. А потом просто стоял и ждал, когда Лахи надоеет дразниться. И Кеннета удивило, что гнев постепенно сошел с лица Фергюса, оно сделалось пустым, ничего не выражающим.

У Кеннета возникло странное ощущение: как будто у него на глазах что-то было погребено заживо, и он даже содрогнулся, такой озноб пробрал его вдруг.

– ...Фергюс в школу носит ранец! Потому что он...

Когда попрятались в последний раз, Кеннет вместе с Эммой Эрвилл забрался в какую-то подвальную клетушку. Он подсказал Эмме, что надо повернуться спиной к свету и поднять воротник пальто, чтобы скрыть лицо; и действительно, когда к дверям подошла Ильза и он снова испытал эту жутковато-балдежную дрожь в животе, она их не увидела; и после того, как ушла, Кеннет и Эмма обнялись, и это были теплые и крепкие объятия, и ему понравилось, а она не отстранялась, а через некоторое время они соприкоснулись губами – поцеловались. И в сердце проник странный отголосок жутковато-чудесного ощущения в животе, и они с Эммой Эрвилл обнимались долго-долго, пока все остальные не нашлись.

Потом они играли в запущенных кустах огороженного сада и отыскивали заросший травой фонтан с голый, если не считать мха, каменной тетей посередке и ветхий сарай в углу сада, и там были древние банки и склянки и пузырьки с этикетками, похоже еще Викторианской эпохи. Ненадолго зарядил дождь, и его переждали в сарае. Фергюс ныл, что ржавеет велик, его сестра и Кеннет время от времени многозначительно переглядывались, Ильза смотрела на дождь из двери и говорила, что в Южной Америке кое-где льет по сто лет без перерыва, а Лахи смешивал все подряд, твердое и жидкое, вязкое и порошкообразное, из пузырьков и банок – авось какая-нибудь смесь взорвется или на худой конец зашипит. А дождь сначала барабанил, потом шуршал, потом редко постукивал по рубероидной крыше, и сквозь дыры на пружинящие половицы шлепались капли.

* * *

– Ну конечно, мы же еще не все бутылки перевезли, – указал Фергюс трубкой на стеллажи, которыми была заставлена целая стена погреба.

Погреб был выкрашен белым и освещен голыми лампочками; там и сям свисали провода и виднелись замазанные отверстия в стенах и потолке – для этих проводов и для водопроводных труб. Поблескивал винный стеллаж из дерева и металла, посверкивали уже разложенные на нем две сотни бутылок.

– Тебе тут еще вкалывать и вкалывать, – ухмыльнулся Кеннет, – пока все полки не набьешь.

– Гм... Мы вообще-то хотим на следующее лето прокатиться по виноградникам. – Эрвилл почесал черенком трубки толстый подбородок. – Бордо, Луара и так далее. Может, и вы с Мэри захотите нам компанию составить, гм...

Фергюс моргал. Кеннет кивнул:

– А что, почему бы и нет? Это, правда, будет зависеть от отпусков и всякого такого. Ну, и от детей, конечно...

Фергюс нахмурился, снимая табачную крошку с джемпера фирмы «Прингл».

– Мы вообще-то не собирались брать детей.

– А? Ну да, разумеется, – сказал Кеннет, и они пошли к двери.

Фергюс включал и выключал свет в различных погребках, и они поднимались по каменным ступеням к подсобке и кухне.

Это же тот самый погреб, думал Кеннет, следуя за обутым в шлепанцы Фергюсом по лестнице. Здесь я прятался с Эммой Эрвилл, целовался с ней. В этом самом погребе. Никаких сомнений, это он. И в это окно я смотрел когда-то. Там я тоже прятался, и было это уже почти тридцать лет назад. Точно!

И тут на него легла жуткая тяжесть времени и потери, и в сердце проснулась слабая обида – на Эрвиллов вообще и на Фергюса в частности, потому что они, о том даже не подозревая, украли у Кеннета частицу его памяти.

Что ж, по крайней мере, обида позволяет ему узнать цену ностальгии.

– Ферг, это не посудомойка, это, зараза, настоящая китайская головоломка. – Фиона, сидевшая возле упомянутой машины, поднялась на ноги.

И увидела брата, и широко улыбнулась, и подошла, и обняла:

– Приветик, Кен. Ты к нам на экскурсию?

– Да, впечатляет. – Кеннет поцеловал сестру в щеку.

Сколько ей было, когда он приходил сюда с Фергюсом и остальными? Года два, прикинул он. Слишком мала, чтобы ехать в такую даль на велосипеде. А ему, наверное, было лет восемь или девять. А где тогда был Хеймиш? Дома, наверное. Болел. Он вечно простужался.

Фиона Эрвилл, урожденная Макхоун, носила старенькие расклеванные джинсы «левис» и широкую зеленую блузку. Полы блузки были завязаны узлом поверх белой футболки. Волосы цвета меди Фиона собрала в пучок на затылке.

– Как дела?

– Все отлично, – кивнул Кеннет, обнимая ее за талию.

Так они подошли к посудомойке, подле которой сидел на корточках, уткнувшись в инструкцию, Фергюс. Дверка посудомойки была опущена на петлях, как подъемный мост замка.

– И правда, сплошь китайская грамота.

Фергюс почесал черенком трубки висок.

Кеннет, глядя сверху вниз на Фергюса, почувствовал, как его губы расплзаются в улыбке. Фергюс выглядел преждевременно состарившимся: «прингловский» джемпер, войлочные шлепки, трубка. Разумеется, Кеннет не забыл, что и сам курил трубку, но это было совсем другое дело. И он в отличие от Фергюса не лысел.

– Как школа? – спросила Фиона.

– Да ничего, – ответил брат, – помаленьку.

Этой осенью его сделали принцепалом по английскому языку. Сестру всегда интересовало, что происходит в средней школе, но у Кеннета при ней и Фергюсе пропадала охота об этом говорить. Почему – он и сам не понимал, но подозревал, что если и откроет когда-нибудь причину, то признавать ее не захочет. Еще меньше ему хотелось сообщать, что он записал

отдельные рассказы из тех, которых за много лет напридумывал уйму, и надеется их опубликовать. Боялся, что подумают, будто он решил переплюнуть Рори или, что еще хуже, облегчить себе жизнь и напечататься с его помощью.

– Нет, вру, – приподнял голову Фергюс. – Тут и по-английски чуть-чуть есть. Вернее, по-американски. – Он вздохнул и оглянулся. – Макхоун, что касается англоязычных иностранцев: «Международный» в субботу, не забыл?

– Буду как штык, – кивнул Кеннет. Они собрались через неделю пойти на регби. Шотландцы будут тягаться с англичанами. – Кто машину поведет?

– Гм... думаю, возьмем «морган».

– Фергюс! Стоит ли? Не уверен, что разыщу свою шерстяную шапочку с помпоном.

– Да ладно тебе, – хихикнул Фергюс. – Давай попробуем новый маршрут: через Арран и Лохранзу до Бродика, далее в Ардроссан и затем через «А семьдесят один» до «СА». – («СА» означало Северные Афины.) – Понятное дело, с поправкой на забастовки и отключение электроэнергии.

– Фергюс, – потер лоб Кеннет, не клюнувший на приманку из забастовок и отключения электричества, – по мне, так это чудовищно сложно. И ты уверен, что в это время года из Лохранзы ходит паром?

Фергюс встал, снова озадаченно почесал висок черенком трубки.

– Так ведь должен, наверное... Думаю, ходит.

– Может, стоит проверить?

– Ладно, проверим.

– И вообще, почему не на «ровере»?

Кеннет не жаловал «морган»: слишком жестко едет, спина устает, голова болит, и вообще Фергюс зря лихачит на этом закосе под старину с открытым верхом. И чего лихачит? Может, потому что краска «бритиш рэйсинг Грин», кожа на капоте? А вот «ровер», похоже, немного Фергюса успокаивает.

– Да ладно тебе, надо же понимать, – убеждал Фергюс. – Гостиничная администрация увидит «ровер» – не пропустит нас на стоянку.

– Господи, – вздохнул Кеннет и сжал талию сестры. – Ладно, пусть будет «морган». – Он посмотрел на Фиону: у нее поблескивали зеленые глаза. – Старую, сестренка. Как по-твоему, старую?

– Да из тебя прямо-таки песок сыплется, Кен.

– Спасибо на добром слове. Как близняшки?

– О, великолепно.

– Ты их все так же на каникулы в Уиндскейл возишь?

– Ха! Кеннет, а ты все так же смышлен.

– Ты ее включать не пробовала?

Фергюс опустил на корточках, сунул голову в посудомоечную машину, и ее нутро откликнулось эхом.

– Ферг, не будь язвой. – Фиона улыбнулась брату. – Что-то давно мы с Рори не виделись, он и не звонит. Как у него дела?

– Да сидит в Кэмдене в своей конуре, тратит халявные субконтинентальные бабки.

– В конуре? – донесся из недр посудомойки невнятный голос Фергюса. – А я думал, он не слабо приподнялся на этих... путевых заметках.

– Так ведь приподнялся, – кивнул Кен.

– Это, кажется, про Индию?

– Ага.

– Ферг, – рассердилась Фиона, – ты что, забыл? Сам же покупал эту книгу.

– Да помню, конечно. – Фергюс вынул голову из посудомойки и сунул туда руку, что-то подрегулировал. – Только не прочел. Да и зачем книжку читать, если хочешь узнать про Индию? Достаточно съездить в Брэдфорд... Почему он живет в конуре?

Кен на секунду стиснул зубы, мечтая о крепком пинке по пухлому заду Фергюса. Затем пожал плечами:

– Просто ему нравится жить среди людей. Он у нас животное стадное.

– И то верно, надо быть животным, чтобы ютиться в конуре, – пробубнила, рождая эхо, голова в посудомойке.

– Э, не смей так о моем брате.

Фиона легонько стукнула Фергюса ногой по заду.

Фергюс стремительно обернулся и уставился на нее. Его мясистое красноватое лицо мгновенно помрачнело. Кеннет почувствовал, как напряглась его сестра. Но тут же рот Фергюса расплылся в фальшивой улыбочке, и, проворчав что-то неразборчивое, он снова повернулся к открытой машине и к руководству по ее эксплуатации. Фиона расслабилась.

«Все ли у них в порядке?» – подумал Кеннет.

Иногда он как будто замечал напряжение между ними, а года два назад, вскоре после того, как родились близнецы, ему показалось, будто Фергюс и Фиона серьезно охладели друг к другу. Он за них беспокоился и не раз обсуждал это с Мэри, гадая, в чем причина неладов и можно ли что-нибудь сделать (они решили ничего не предпринимать, если только их не попросят). Все же он однажды попытался обсудить это с Фергюсом, на вечеринке, когда они накачивались виски в оранжерее старого дома Эрвиллов и любовались огнями навигационных бакенов и маяков, мигающих по всей Саунд-оф-Джура.

Фергюс обсуждать тему не пожелал. Мэри добилась не большего успеха с Фионой. Но, по-видимому, все как-то само собой постепенно наладилось.

Может, я просто ревную, подумал Кеннет.

Фиона отстранилась и подошла к массивной и приземистой плите марки «Ага», стоявшей возле беленой каменной стены. Поддержала руку над новой плитой: хорош ли накал? В кухне затягивалась пауза.

Кеннет не слишком верил в фрейдизм, в основном потому, что старался быть с собой честным. Понимал, что в жизни многое ему не по вкусу, кое от чего просто с души воротит, но ничто из его открытий никак не вязалось с учением Фрейда.

Все же он задумывался: а не злюсь ли я в душе на Фергюса потому, что он у меня сестру отнял, когда сделал ее своей женой? Наверное, никогда не узнаю правды, предполагал Кеннет. Может быть, верна теория, будто в мире все взаимосвязано, будто все люди, все вещи, все события прочно соединены сложнейшей паутиной из причин и следствий, из неявных мотивов и скрытых принципов... Но он вовсе не был уверен, что это имеет хоть какое-нибудь значение.

– Мэри и дети с тобой? – повернулась к нему Фиона.

– Пошли полюбоваться окрестностями с парашютов, – ответил Кеннет.

– Молодцы, – кивнула она и посмотрела на мужа. – У нас будет обсерватория. Ферг не сказал тебе?

– Нет. – Кеннет с удивлением посмотрел на Фергюса, но тот не обернулся. – Нет, я не знал. Что, с настоящим куполом и телескопом? Астрономию будете изучать?

– Счет уж точно астрономический, – раскатился внутри посудомойки голос Фергюса.

– Да, – ответила Фиона. – И теперь Ферг сможет ночи напролет любоваться звездами.

Миссис Эрвилл глянула на мужа, сидящего на корточках перед открытой посудомоечной машиной, и выражение лица Фионы показалось Кеннету презрительным.

– В чем дело, дорогая? – оглянулся на жену Фергюс – само простодушие и невинность.

– Ни в чем, – бодро ответила она необычно высоким голосом.

– Гм... – Фергюс что-то подкрутил в посудомоечной машине, снова почесал трубкой возле уха. – Все в порядке.

Кеннет повернулся к окнам, по которым хлестал дождь.

* * *

Зачатая в ревущую бурю, Верити (тоже ревущая) и родилась не в погожий денек. Она появилась на свет восьмимесячной августовским вечером 1970 года на продуваемом ветрами берегу Лох-О – более чем подходящее название для места ее рождения, считал Прентис.

Перед этим ее мать и отец провели в галланахском доме Фергюса и Фионы Эрвилл две недели – они приехали из Эдинбурга отдохнуть. В последний день молодая супружеская чета решила посетить гостиницу в Килхренане – это в часе езды к северо-востоку, на берегу озера. Для поездки одолжили «ровер» у Фергюса. Беременной Шарлотте в те дни вдруг захотелось осетринки, и в ресторане она получила: на закуску – осетрину копченую, на второе – осетровые стейки, а вместо десерта – мусс из копченого осетра. Понятное дело, вскоре она жаловалась на несварение желудка.

Как бы то ни было, отужинав, они поехали обратно.

Были пасмурные сумерки, хоть и без дождя; дул сильный теплый ветер, качая верхушки деревьев и гоня шеренги белых бурунов на берег узкого лоха. Пока супруги ехали на юго-запад по неширокой дороге на западном берегу, ветер обрел ураганную силу.

Узкая дорога была усыпана ломаными ветками – наверное, одна из них и проколола колесо. И пока муж воевал с наглухо закрученными гайками, у Шарлотты начались схватки. Примерно через полчаса над холмом полыхнула молния, желто-голубая, как луна, но ослепительная, как солнце.

И был чудовищный гром. Шарлотта закричала. Наверху, на склоне холма, скелетами доисторических чудовищ маячили две опоры высоковольтной линии. Выл черный ветер, и снова вспышка, и снова адский грохот, и полоса фиолетового сияния проколола тьму как раз посередине между двумя огромными пилонами – электричество пробило воздух, когда сблизилась мотаемая ветром провода.

Шарлотта закричала опять, и на свет появился ребенок.

* * *

Хвост урагана Верити прошелся в ту ночь по Британским островам. Родился он в штилевой экваториальной полосе, для разминки залил тропическим ливнем несколько Багамских островов, порезвился на побережье Северной Каролины, потом махнул через Северную Атлантику, в пути подрастеряв энергию. Но ненадолго попал между холодным и теплым фронтами возле Ирландии, и это для него стало неожиданным подарком; обретя новые силы, он разметал уйму прогулочных яхт, перетряс несколько акров оконного стекла, поиграл во фрисби с мириадами черепиц и, проносясь над Шотландией, поломал немало сучьев. На участке Национальной электрической сети между западным берегом Лох-О и Галланахом имела место чуть ли не самая эффектная из учиненных ураганом катастроф, и Шарлотта часто заявляла, что именно в миг пробоя мощнейшей дуги между хлещущими проводами сработали предохранители на севере и погрузили весь Галланах во тьму, – в тот самый миг, когда ее ребенок (сморщенный, в пятнах крови, розовый от осетрины) наконец скользнул в отцовские руки. Девочку назвали Верити, в честь урагана.

Когда Верити исполнилось восемнадцать, ее дядя Фергюс Эрвилл преподнес ей весьма своеобразный подарок, взятый из музея при стекольной фабрике. Поскольку ребенок родился в блеске и треске техногенной молнии и его появление на свет было ознаменовано мощным

коротким замыканием, ввергшим Галланах в потемки, дядя Эрвилл подарил ей ожерелье из фульгурита.

Фульгурит – это природное стекло, как и другое музейное сокровище – обсидиан. Но обсидиан рождает только земля, он образуется под воздействием чудовищных температур и давлений в изверженной магме, а фульгурит появляется на свет от союза земли и воздуха: молния ударяет в рыхлый песок и плавит его, остекловывает, превращает в длинные зигзагообразные трубки. Хеймиш Макхоун называл фульгурит «божьем стеклом». Музей при фабрике «Галланахское стекло» располагал коллекцией образцов трубчатого фульгурита, изысканных в песках Сирии Уолтером Эрвиллом, дедом Фергюса, в 1890 году и благодаря великой осторожности и столь же великому везению доставленных в Шотландию невредимыми. Одна из этих кривых шишковатых трубок была свыше метра длиной, другая лишь на йоту короче. Меньшую Фергюс отправил в Эдинбург ювелиру, дабы тот расколол ее, куски обточил и отшлифовал, а затем нанизал на нитку, точно жемчужинки.

Получившееся ожерелье он преподнес светозарной племяннице на вечеринке в день ее рождения, в ее родительском доме, что в Мерчистоне под Эдинбургом, в августе 1988 года (вечер выдался неподобающе сухим и теплым). Фергюс, существо всегда унылое, преждевременно состарившееся, с подбородками до воротника, очень вырос в глазах Кеннета и Прентиса Макхоунов, совершив этот элегантный и совершенно неожиданный для всех романтический жест.

У Верити хватило такта принять ожерелье из рук дяди Фергюса, хватило ума понять, какой смысл вложен в этот подарок, и хватило вкуса, чтобы сделать его регулярно надеваемой, даже привычной частью гардероба.

Салон дядино «ровера» был очищен от грязи, сопутствовавшей рождению Верити, и машина продолжала служить семейству Эрвиллов еще пять лет, до 1975 года, когда ее продали (как выяснил впоследствии Прентис, за скандально мизерную сумму; нет бы переделать в своего рода храм красоты, прославленный на весь мир) и ее место занял «астон-мартин DB6».

Вскоре после того, как Прентис получил водительские права, у него появилась мечта найти старый «ровер», валяющийся, небось, где-нибудь в чистом поле, и выкупить. И тогда у него будет машина, в которой родилась его любимая, и можно будет эту машину водить, и холить ее, и лелеять. Разумеется, он понимал: велика вероятность, что «ровер» давным-давно отправился под пресс, но это не мешало ему тешиться диковатой фантазией, что хоть одна капля переплавленного металла добралась хоть до одного из последовательно принадлежавших ему трех драндулетов.

А на неприлично громком и быстром, как молния, «астон-мартине DB6» Фергюс и Фиона Эрвилл однажды ночью угодили в аварию. Это было возле Ахнабы, южнее Лохгайра, в 1980 году.

Глава 5

Мы с тетей Дженис были в одной постели. Только не поймите меня превратно: я не имею в виду, что мы занимались черт-те чем; мы всего лишь переспали... О черт! Я не хочу сказать, будто мы с ней долго гуляли по холмам и нас застала метель, но посчастливилось найти кров – уютный такой охотничий домик, а в спальне была только одна кровать, и нам, чтобы согреться, пришлось лечь на нее вдвоем, только и всего-то...

Нет, мы просто трахались.

Ради бога, не принимайте меня черт знает за кого. Тетя эта мне не тетя. Ни по крови она мне не тетя, ни даже по замужеству. Дженис Рэй была подружкой дяди Рори, вот я и стал ее тетей называть. Мало того что она крутила шашни с братом моего отца, так ведь вдобавок не кто иная, как ее дочь Мэрион, посвятила меня в таинство любви – таинство липко-пахучее и похотливо-трахучее, потенциально натальное и социально-фатальное, не слишком высокоморальное, поскольку частично оральное. И произошло это в гараже, на рассохшейся до трещин зеленой коже заднего сиденья «лагонды-рапид-салун» в один душно-пасмурный летний день восемь лет назад.

И мы сорвали бурные аплодисменты.

Чертов Льюис...

* * *

Теперь голос делается тихим, низким, почти зловещим. Сбоку бьет резкий белый свет, и чисто выбритое худое лицо моего брата в этом свете кажется точно из камня высеченным. И суровым, даже жестоким.

– В моем доме есть дверь, – говорит он с придыханием и делает паузу. – Это не простая дверь, а особенная. – Он смотрит вбок. И оттого, как он это делает, вам хочется поглядеть в ту же сторону, но вы побеждаете искушение. – А знаете, что у меня за дверь? – поднимает он бровь, но окружающая темнота отвечает молчанием. И вы ждете продолжения. – За дверью у меня... – Он наклоняется вперед, к вам, с таким видом, будто хочет открыть какую-то страшную тайну: – Вся остальная Вселенная.

На лице появляется ледяная улыбка, и если вас пронимают такие штуки, то на вашей спине срываются с места в карьер табуны мурашек.

Раздается нервный смешок. Льюис терпеливо ждет, когда хиханьки стихнут.

– Это особенная дверь, и называется она по-особенному, – он щурится. – Знаете, как я называю эту дверь? – (Вот опасный момент, все может кончиться провалом, но брат умеет держать паузу, его молчание в высшей степени красноречиво.) – Я ее называю... – Снова пауза; он глядит вбок, в темноту, потом снова – на свет: – Входной дверью!

И вновь звучит смех, на этот раз в нем облегчение. Рассказчик впервые улыбается, но в улыбке нет веселья, это всего лишь растянутые губы.

– Может быть, такие двери есть и в ваших домах. – Брат отступает, лампы гаснут, и он делает полукивок-полупоклон. – Меня зовут Льюис Макхоун. Спокойной ночи.

Он уходит под бурные аплодисменты, даже под овации.

Я отрываю взгляд от телевизора, смотрю на соседей по комнате.

– А че, нехило. – Гав откупоривает новую банку сидра.

– Нормуль, – соглашается Норрис и хлебает из своей банки. – Концовочка – в кайф, меня даже на мандраж пробило, чес-слово. Он че, в натуре твой брат?

Я зло гляжу на экран, где бегут титры, – конец телепередачи. Льюис в ней хохмил последним.

– Да. – Я плющу в ладонях пустую банку из-под «экспортного». – Да, это мой брат.

По экрану ползут титры. Раздавленная тара летит в мусорное ведро. Точнее, мимо ведра.

Банка ударяется о стену, катится по полу и брызгает выдохшимся пивом на истертый ковер.

* * *

Я стою в книжном магазине, читаю про волшебную ночную рубашку. На глазах слезы.

По плечу хлопает чья-то ладонь. Я торопливо кладу книжку на стопку таких же, выдерживаю из кармана носовой платок и, поворачиваясь, прижимаю его к лицу, сморкаюсь.

– Идем, копуша, – говорит, улыбаясь мне сверху, мама. Взгляд падает на стопку книг. – А, решил наконец папины сказки почитать? С чего бы вдруг? – Не дожидаясь ответа, она обнимает меня за плечи и выводит в зал отправления. – Идем, пожелаем дяде Рори счастливого пути.

– Идем, – хлюпаю я носом.

Мама хмурится:

– Прентис, ты что, плачешь?

– Нет! – Я неистово мотаю головой и запикиваю в карман носовой платок.

Мама улыбается. Чувствую, как снова подступают слезы, от них щиплет глаза.

– Прентис! – Дядя Рори хватает меня в охапку и отрывает от пола. – Ого, какой большой вырос! Скоро и поднять тебя не смогу.

Вот и хорошо, думаю, а то неприлично как-то. Я его обнимаю, но это для того, чтобы лицо спрятать, а не от огорчения по поводу дядиного отлета.

– Ну вот, – слышу мамин голос. – Кажется, слезинку-другую мы все-таки уронили.

– Да с чего бы нам их ронять? – смеется дядя Рори, ставя меня на пол перед собой, но не отпуская.

Его широкое лицо, обрамленное вьющимися темно-рыжими волосами, кажется счастливым и добрым. Мне хочется ударить и дядю, и маму, а может, залиться слезами и обнять обоих. Пожалуй, я не прочь и обнять их, и побить.

– Подбери сопли, мужик, – смеется он, переходя на пролетарский шотландский. Я этого говора стыжусь, потому что мои очаровательные кузины Дайана и Хелен им не пользуются, зато его любят грубые дети Уоттов.

«Прекрати!» – отправляю ему посыл. (Я учусь внушать свои мысли, чтобы люди выполняли мои команды. У телепатии, похоже, большое будущее, но, к сожалению, ученые сделали еще только первые шаги. А Джордж Лукас, гад, так и не удосужился ответить на мое письмо насчет Силы.)

– Дядя Рори, я не плачу, честное слово, – шмыгаю я носом.

– Ну конечно, ты не плачешь, – ухмыляется дядя Рори и подмигивает маме.

– Вот именно, – говорю.

«А теперь опусти меня!»

Дядя Рори с кряхтением опускает.

– Ну, так-то лучше. – Он ерошит мне волосы пятерней. – Ага, вот и улыбочка!

«Конечно, я улыбаюсь, дурак ты здоровенный. Ты же мой раб, подчиняешься моим мыслям!»

– Дядя Рори, вас, наверное, ужасно долго не будет? – спрашиваю.

– Да, Прентис, боюсь, что так, – отвечает дядя Рори.

Громкоговоритель вопит, что начинается посадка на рейс до Хитроу. Дядя Рори берет свою наплечную сумку, и мы втроем шагаем к большой толпе. За длинной и высокой стеклян-

ной стеной раздается оглушительный рев – будоражащий, как катастрофа. Но это всего лишь садится самолет.

– Если будете в Голливуде и встретите там Джорджа Лукаса...

Дядя Рори хохочет, и они с моей матерью обмениваются понимающими взглядами – из тех взглядов, которые так бесят нашего брата мальчишку.

– Вряд ли есть шанс, Прентис, но если все-таки...

– Спросите, не получал ли он моего письма, – прошу я. Мы уже достигли того места, где все останавливаются и обнимаются; остановились и мы. – Если получил, то он в курсе, что я имел в виду.

– Будет сделано, непременно, – снова смеется, опускаясь на корточки, дядя Рори. Сделав из моей прически черт-те что, он теперь хватает меня за плечи блейзера. – Ну, будь хорошим мальчиком, через несколько месяцев увидимся.

Он встает. Они с мамой минутку сюсюкают, и она целует его в щеку. Я отворачиваюсь. Рад, что папа этого не видит. Да как они смеют такими вещами на людях заниматься? Я озираюсь: может, папа подглядывает из-за пальмы в кадке или через прорезанную в газете дыру? Но его нигде не видеть.

– Ну, до свидания, Рори, счастливого пути.

– Пока, Мэри. Передай Кену, я позвоню при первой же возможности.

– Будь осторожен.

Дядя Рори ухмыляется:

– Ага.

Он сжимает ладонью мамино плечо и снова ей подмигивает:

– Пока, детка. До встречи.

– До свидания.

Мы смотрим, как он уходит. Показывает билет обслуживателю у выхода на летное поле, потом еще разок машет нам и скрывается из виду.

Я поворачиваюсь к маме.

– Мам, дай денег в «Звездные войны» сыграть. – Показываю на видеоигры. – В прошлый раз три уровня прошел, с четвертого слетел, теперь знаю, как с большими башнями справиться...

– Нет, Прентис, хватит с тебя этих игр, – говорит мама, уводя меня от толпы.

Мы направляемся к лестнице. Я все пытаюсь тащить ее к шеренге игровых автоматов.

– Мам, ну пожалуйста, ну пошли! Если хочешь, я тебе поглядеть разрешу!

«Ты мне дашь поиграть! Ты мне дашь поиграть!»

Она мало того что не подчиняется, но еще и нагло смеется:

– Ты очень добренький, Прентис, но как-нибудь обойдусь. Нам пора домой.

– Мам, а можно я на поезде, ну пожалуйста!

«Ты разрешишь сыну ехать домой на поезде! Ты разрешишь своему сыну Прентису ехать домой на поезде!»

– Ах ты, маленький паршивец! Тебе что, не нравится, как я машину вожу?

– Мам, ну разреши, пожалуйста...

– Нет, Прентис, поедem на машине.

– Ну, мамочка...

– Купить тебе книгу? – Мама останавливается возле книжной лавки. – Она тебе понравилась?

– Гляди! «Судья Дредд», свежий номер! – с надеждой показываю я.

– Ладно, – вздыхает она. – Если тебя это успокоит...

Пока она платит, я приближаюсь к стопке папиных книг. Никто не глядит в мою сторону; я вырываю из верхней пару страниц, а затем кладу на папины книги несколько других, не им написанных, чтобы еще долго папины никто не увидел.

Да как он смеет отдавать чужакам истории, которые придумывал для меня, для Льюиса, для Джеймса, для всех нас? Какое право на эти рассказы имеют другие люди? Это наши истории! Мои!

– Ну, пошли, чудовище, – говорит мама.

Между моими лопатками упирается ладонь, выталкивает меня из магазина. Ладно, спасибо и на том, что это не «вулканская смертельная хватка».

«Ты передумаешь и позволишь сыну ехать на поезде. Миссис Мэри Макхоун, вы передумаете и разрешите вашему сыну Прентису поехать домой на поезде... И поиграть в “Звездные войны”...»

* * *

Признайтесь: никто вас не предупреждал, что секс – это дело шумное. Ведь никто, а? Сам половой акт под микроскопом изучили, и в фильмах все вам разжевывают, и в книжках все вам расписывают, со всеми кровавыми подробностями, со всякими техническими нюансами. И родители вас просвещают, и наставники вас наставляют, и соседские ребята-девчата расскажут вам все тайком за велосипедным сараем, но про звуки никто не скажет ни единого слова! Не скажут, и все! Помню, как я впервые в жизни занялся этим с девчонкой. Дело было летом, жара, духота, мы оба раздетые, в старой доброй миссионерской позиции, и я притворяюсь, будто прежде ничем, кроме секса, не занимался, а сам думаю: господи, все ли я правильно делаю? Достаточно ли было прелюдии или я чересчур быстро сполз до лобка и вообще веду себя так, будто вычитал про это в «Космополитене»? Я бы и еще поработал внизу языком, да только шея заболела. Вот и думаю: не вернуться ли к соскам, мне ведь нравится их посасывать. Или лучше заняться левой мочкой... А шея ноет... Размышляю я обо всем этом да еще размышляю о том, как буду собирать кухонный комплект фирмы «MFI», – это специальный такой прием, чтобы не слишком быстро кончить. Но все равно уже не помогает, потому что я не могу не думать про толчки да про дырочки, про мужские и женские эрогенные зоны да про то, что я ее глажу, и это классно, и она тяжело дышит, и я тоже пыхчу... И в этот самый миг между нашими голыми колышущимися телами рождается звук... такой звук!.. как будто носорог пернул!

Уверяю, подобного бздеха вы отродясь не слышали. Даже эхо отлетело от ближайших многоэтажек. Да что там эхо – тугоухие старушонки через три улицы схватились за швабры и давай стучать в потолки, чтобы соседи наверху угомонились...

Она – хохотать, а я не знаю, что и делать. Продолжаю, но тут же все повторяется, и она в истерике, а я в крайней растерянности, и снова – прр... прр... прр... каждый раз чуть-чуть по-новому, но уже без конца, потому что оба потные, и тут я думаю: почему не предупредили, сволочи?! Почему я не знал? Как с этим другие справляются, полотенце прокладывают, что ли?

Но я все-таки дело свое довожу до конца, а потом еще немножко обнимаюсь с ней и сюсюкаю, а потом встаю, но резинку пока не снимаю, потому что на упаковке велено не спешить, а иду в сортир – там-то от нее, грязнульки-висюльки, и избавлюсь, а мочевого пузырь уже распирает, заодно и отолюю... Ха-ха-ха! Фигу! Это я так надеюсь, что отолюю, да ни черта не выходит...

Я сокрушенно качал головой, вспоминая те времена, когда Льюис вот так же разливался соловьем – среди друзей в пивнушках и на вечеринках. Тогда мне его приколы даже нравились, и я воспринимал как особую привилегию то, что могу вживую внимать этим хаотическим бурным тирадам, и даже гордился родством с Льюисом. А потом я поумнел и решил: мой старший брательник на самом деле тщеславный себялюбец с разбалансированной железой сарказма. А

юморист он аховый. Берутся самые рядовые случаи из жизни, лишь бы в них было зернышко комизма, и из этого зернышка вырастает черт-те что. Лишь бы только денежки грести и срывать аплодисменты. Что ж, в моем роду такое случается.

Я посмотрел на Гава. Он рядом со мной, прижав стеклянную кружку с пивом к груди, покатывался со смеху. Аж взмок. Из глаз – слезы, из носа – сопля. Отлично проводил время дружище Гавин, один из двух моих соседей по комнате, парнишка более чем простой. Он ловит и впитывает каждое слово, он слепо верит всему, что травит мой брат, он сам переживает все, что якобы случилось с Льюисом.

Мой брат знает, на какие кнопки в человеческих головах надо нажимать. Расчет на узнаваемость. Шутки у него отточенные, с точки зрения сексуальной политики корректные, но при этом совершенно пошлые. Самое то для Гава и ему подобных. Гав ржал так, что недопитое пиво выплескивалось на куртку, но мой сосед этого не замечал. Да если бы и заметил, ему, наверное, было бы начхать.

Я снова покачал головой и поглядел на низкую сцену, где Льюис рыскал взад-вперед, точно гиена в клетке, и ухмылялся, и потел, и лоснился под прожекторами, и орал в микрофон, и жестикулировал свободной рукой, и лукаво улыбался, и обращался к отдельным зрителям – то в первом ряду, то в середке, то в проходе переполненного зала, и шутил специально для нас, стоящих позади всех у стенки, и адресовал свои хохмочки всем присутствующим скопом.

Льюис был облачен в черные джинсы и белый смокинг, а под смокингом – белая футболка с тремя огромными черными буквами: «FTT». Под этими буквами были другие, гораздо меньше: «Познаем плотски консерваторов, юнионистов и их сторонников». Маечки продавались у входа. Гав такой разжился, и она, упакованная в полиэтилен, торчала из кармана его куртки.

Мы были «У Рандана», это новейшая инкарнация бара, что некогда функционировал под именем «Рынок у коровника», а еще раньше назывался «У Пэджи Джонса». Это «у», похоже, на века. Хотя я первоначального названия уже не застал, признаться, меня гложет тоска по временам, когда бары носили довольно осмысленные имена и не предлагали претенциозные до идиотизма фирменные блюда и напитки с фольклорным закосом и десяток разных по названиям, но не по вкусу и не по цене (запредельной!) сортов светлого пива – в бутылках с аляповатыми этикетками, неподатливыми крышками и горлышками, раздувшимися, видимо, оттого, что в них затолкали кусок чего-то цитрусового.

Но если такова цена, которую мы вынуждены платить за круглосуточную работу подобных общественных заведений и за то, чтобы в них обслуживали женщин, то я смиряюсь – брюзжать неприлично. Когда-то я не верил отцу, думал, он меня разыгрывает: якобы в его молодости бары в первую половину дня были закрыты, и к десяти вечера (к десяти! господи! я редко выхожу из кабака до полуночи!) посетителей гнали взашей, и в большинстве пивных не было женских туалетов. Но это, скорее всего, правда, а ведь прошло всего-то навсего полтора десятка лет.

Я глянул на часы – долго ли еще Льюис будет засыпать аудиторию, выражаясь деликатно, рассудочными шутками, слепленными из наиболее привычного широким массам материала (причем массы еще и платят ему за это легкое развлечение сродни психоанализу), – и решил, что так может продолжаться без конца. Впрочем, мне и до этой минуты казалось, будто я слушаю его вздор уже целую вечность.

Льюис, можно сказать, свалился на меня как снег на голову: вдруг позвонил после ряда своих выступлений в позднем телеэфире. Программы эти записывались на фестивале юмористов в австралийском городе Мельбурне, куда пригласили Льюиса (и вследствие чего он не смог побывать на похоронах старушки Марго). Сегодня открывались его первые сольные гастроли по Соединенному Королевству, и все, к сожалению, говорило о том, что билеты разошлись без остатка, – спасибо рекламной мощи телевидения. Не пришли он мне пригласительные билеты,

вряд ли мы с Гавином очутились бы здесь – даже взбесившийся табун одичавших клейдесдальских тяжеловозов не затащил бы меня одного в эту пивнушку.

Я снова посмотрел на часы. Прошло полчаса. До сих пор только одна шуточка Льюиса показалась мне достойной внимания, да и та прозвучала в самом начале: «Любому из нас иногда кажется, что он – просто дырка в заднице. – Тут наступила обязательная эффектная пауза. – Но через это надо пройти!»

Смешно? Я – усмехнулся.

– ...о своей семье, леди и джентльмены, потому что я принадлежу к очень необычной семье. Да будет вам известно, это и правда очень странное семейство... – разглагольствовал Льюис.

Гав повернулся ко мне, пихнул локтем; широкая красная физиономия сияла. Я к нему не повернулся, даже не покосился. Я смотрел – нет, я пялился на сцену. Во рту мигом пересохло.

Он не посмеет! Или посмеет?

– Взять, например, моего дядю Альфреда...

Я чуток расслабился. Нет у нас никакого дяди Альфреда. И все же нельзя исключать, что Льюис намерен предать огласке какое-нибудь подлинное или полуполюгендарное событие из жизни нашего семейства и только маскирует его ложным персонажем.

– Дядя Альфред был крайне невезучим человеком. До того невезучим, что мы его так и звали: Невезучий Дядя Альфред. Правда-правда, так и звали. Невезучий Дядя Альфред до того был невезуч, что пал жертвой единственной в истории человечества лавины на искусственном горнолыжном склоне!

Я еще больше расслабился. Льюис не рискнул. Это просто шутка.

– Нет, честное слово! Он мчался на лыжах, и тут наверху не выдержал крепеж, и все поперло вниз... Его задавило насмерть тремьями тоннами нейлона. И с тех пор я на швейцарские рулетки смотреть не могу!

Тут меня снова пихнул в высшей степени довольный Гавин.

– Прентис, слышь, это ведь правда, а?

Я метнул на него взгляд – как мне казалось, уничтожающий – и снова повернулся к сцене. Хлебнул крепкого пива и отрицательно покачал головой.

– Прентис, – допытывался Гав, пропуская начало очередной зажигательной до идиотизма тирады, – это ведь правда?

Очевидно, мой убийственный взгляд требует серьезной доработки перед зеркалом. Я повернулся к Гавину.

– Каждое слово – правда, – сказал я. – Только на самом деле покойника звали Невезучий Дядя Этельред.

– Ага, – глубокомысленно кивнул Гав, глотнул пива, ухитрившись не оторвать кружку от груди, и наморщил лоб. Это он уже пытался вникнуть в слова Льюиса, но уловил только вполне предсказуемый «хук» – разумеется, «ниже пояса». Все кругом надрывали животики, к ним присоединился и Гав – и, что примечательно, с тем же бурным восторгом, с каким он воспринимал все прежние шутки Льюиса, когда слышал каждое слово.

Какое-то время я следил за Гавом краем глаза и гадал уже не в первый раз и наверняка не в последний (исключим вероятность несчастного случая или могущего быть оправданным убийства), есть ли вообще хоть капля мозгов у человека, с которым я живу под одной крышей. Несколько часов назад, например, мы смотрели по телику новости, и выяснилось, что интифада – это, по неоспоримому мнению Гава, итальянский спортивный автомобиль.

Я даже немножко завидовал Гаву, для него жизнь – сплошной прикол. К тому же он верил (наверное, привыкнув судить обо всем по себе), что она сравнительно несложна. Как в таких случаях и бывает, эти субъективно позитивные взгляды на мироздание оказывают совер-

шенно противоположного рода действие на настроение тех, кто имеет несчастье жить в непосредственной близости от обсуждаемой персоны.

А обсуждаемая персона, между прочим, не справляется даже с такой фундаментально-линейной по своей сути (за некоторыми оговорками) процедурой, как наполнение ванны водой нормальной температуры. Сколько раз заходил я в ванную и обнаруживал, что емкость полна чуть ли не до краев не просто горячей водой – кипятком! Это означало, что этак через часок Гав соизволит помыться. Гавин придерживался того мнения, что принять ванну – значит наполнить ее жидкостью из крана с алым кружком на ручке (тем самым сократив практически до нуля доступный на данный момент запас воды в квартире) и подождать, пока образовавшееся жидкое тело не охладится примерно до того состояния, при котором в него может погрузиться человеческое тело, не приобретя тотчас окраски вареного омара. Обычно это занимает около тридцати минут посреди зимы и час с лишком в разгаре лета, и Гав склонен коротать этот срок перед телевизором, развлекаясь мыльными операми и самыми неинтеллектуальными телевикторинами, или жевать, например, бананы и сэндвичи с мармитом. Между прочим, Гавин обожает изобретать всякую разную закуску; жаль, что в его широчайшем ассортименте кулинарная оригинальность целиком задушила такое пошлое качество, как съедобность.

Мои попытки объяснить тонкую диалектику последовательного или параллельного использования обоих кранов ради того, чтобы принимать ванну незамедлительно и без необходимости обращаться затем в ожоговое отделение «Вестерн дженерал», с вытекающим отсюда освобождением ванны для нас, соседей Гавина, и весьма существенной экономией электроэнергии, что, безусловно, выгодно и нам, и всей планете, неизбежно наткнулись на глухую стенку. Напрашиваются автомобильные аллюзии: если у Льюиса рот как выхлопная труба, то у Гавина башка как фильтр с поперечной фильтрацией.

Я осушил кружку, уставился на тающие клочья пены на дне.

– Ну че, дружище, еще пивка?

– Да нет, Гав, спасибо, сам возьму.

Я давным-давно пришел к выводу, что Гавин верит, будто весь мир вращается вокруг регби и пива. Справедливости ради стоит отметить, что при злоупотреблении последним мир и в самом деле иногда вращался. Пожалуй, будет ошибкой напиваться вровень с Гавом.

– Да ладно тебе! Крепкого, да? – Он отобрал у меня кружку и был таков: вломился в толпу, прокладывая себе путь к светлой цели – барной стойке. При этом он знай себе невинно ухмылялся. Что ж, может, его экспедиция к стойке – не такая уж дурацкая затея. Льюис тем временем добрался до середины длинной псевдонаивной филиппики в духе времени – насчет пост-измов. Возможно, на сей раз Гав счел бы его умозаключения чуть-чуть сложноватыми. («Я спрашиваю: что такое постфеминизм? А? Кто-нибудь ответит? Что под этим словечком подразумевается?»)

Может, я чего-то недопонял? Может, на прошлой неделе состоялись всеобщие выборы и никто мне не сказал про это и про то, что теперь половина Европарламента – женщины? Что пятьдесят процентов директоров всех крупных предприятий – бабы? И что если вы родились в Судане девчонкой, то теперь можете не трястись за свои гениталии? И что в Саудовской Аравии уже нет графы в водительском удостоверении: “Мистер, миссис или шейх, ненужное зачеркнуть”»?)

Я ведь и правда собирался купить себе выпивку. Да и всякий, кому случалось сидеть на мели, скажет вам, что это самый простой способ оставаться номинально социальным, не усугубляя при этом свой финансовый кризис. Но Гав, с его издевательством над ванной (и над чайником – стремясь угробить экосферу бесконечным производством горячей воды, Гавин никогда не поставит на плиту чайник, если тот не полон до краев, пусть даже требуется одна-единственная чашка), все-таки человек не жадный. И когда он проставляется, мне почти

удается забыть, что я живу в одной квартире с изобретателем пудинга под заварным кремом и соусом «Тысяча островов».

Похоже, мой братец рассуждал на схожую эпикурейскую тематику. И, к ужасу моему (чутьочку сдобренному злорадным восторгом), он явно вознамерился запеть.

Я сощурил и потупил глаза, стыдясь не только за Льюиса, но и за все семейство. И это – острое английского альтернативного юмора?! Заканчивать выступление песней? Господи боже мой!

Я сам опускаю занавес и гашу прожектора. Лишь упомяну для истории, что это была хвалебная ода госпоже Тэтчер, разумеется, ода пародийная, в которой Железная Леди сравнивалась с различными продуктами питания, причем сарказм проявлялся лишь в тончайших намеках («Мечтаю о глазунье я / при виде этих глаз...»), и заканчивалась она премиленьким куплетом: «Мэгги, ты – как овсяная каша, / которой так славится Англия наша. / Мэгги, ты – как все, что я ел... / Правда, после того, как поел».

Посетители «У Рандана» выглядели озабоченными – похоже, им начало казаться, что Льюис с его высоким полетом не совсем их формат, что бы там ни сулил импресарио. Всякое бывает: нюхнул славы деятель эстрады, а может, и чего покрепче, вот и полез в эмпирию. Но уже миг спустя толпа успокоилась: парень – то, что надо (фу-ух...), просто юмор у него такой вот незаурядный (хе-хе-хе!), другие комики и не то себе позволяют (ого-го!), и надо молодцу поаплодировать (ур-ра-а!).

Но вот все кончилось (кроме бисирования, естественно), я облегченно вздохнул и даже чуток похлопал в ладоши, глядя при этом на осаждаемую стойку бара. К концу Льюисова выступления натиск на нее усилился. Как бы я ни презирал Гава, надо признать, что сегодня пригодились его регбистские навыки, уж не говоря о неандертальском телосложении. Может, увлечение регби в данном случае объясняется атавизмом?

Я снова посмотрел на часы. Интересно, будет ли Льюис оскорблен до глубины души, а Гавин – крайне разочарован, если мы с Гавом не пойдем за кулисы поздравить великого артиста с блистательным выступлением? Все прошло до того прекрасно, что Льюис сейчас наверняка в приподнятом настроении, а значит, совершенно невыносим.

Может, сослаться на головную боль? С Гавином этот номер вряд ли проканает. Наиболее вероятный ответ: «Да чего там, чувачок, лучше прими на грудь литр-другой пивка, крепеньким отполируй, и как рукой снимет».

– Простите, вы Прентис? Прентис Макхоун?

Я уже несколько секунд назад заметил, как от толпы отделилась женщина и двинулась в моем направлении. Но особого внимания не обратил – может, я просто оказался у нее на пути.

– Да... – наморщил я лоб.

Лицо вроде знакомое. Невысокая, возраст, пожалуй, чуть за сорок. Вьющиеся каштановые волосы и симпатичное круглое лицо – совершенно, между прочим, свежее. Я тотчас возжелал ее кожаную куртку; впрочем, она бы мне не подошла по размеру. Глаза женщины блестели – может, животной похотью, но, вероятнее, это бликовали контактные линзы. Где я ее видел раньше?

– Дженис Рэй, – протянула она руку. – Вспоминаете?

– Тетя Дженис! – встряхнул я ее кисть и заподозрил, что краснею. – Ну конечно! Вы были с дядей Рори. Простите, не узнал. Ну конечно! Тетя Дженис.

Она улыбнулась:

– Да, тетя Дженис. Как поживаешь, чем занимаешься?

– Отлично поживаю, – ответил я. – В универе, последний курс. История. А вы?

– Да у меня все в порядке, – сказала она. – Как твои родители? Все ли у них хорошо?

– Хорошо, просто отлично, – кивнул я и оглянулся – не возвращается ли Гав? Еще нет. –

Все там нормально. Гм... в прошлом месяце умерла бабушка Марго, а так все...

– Как?! – воскликнула она. – Марго? Какая жалость!
– Да, – подтвердил я. – Мы тогда все были на похоронах.
– Какой ужас! Если бы мне хоть кто-нибудь сказал... Как думаешь, ничего, если я напишу... твоим маме и папе?
– Да, конечно, напишите. Отличная идея. Они будут рады.
– До чего же мне жаль, что не смогла приехать на похороны... – потупилась она.
– Да... Все было путем... Только этот зануда не явился, – кивнул я на пустую сцену. – Не сложилось у Льюиса, а все остальные были.

У нее расширились глаза. Как будто огонь зажегся под кожей. И стал гаснуть, когда она спросила:

– Что, и Рори?
– Ой, – быстро замахал я перед ней ладонью, словно стирая с классной доски неприличное слово. – Нет, дяди Рори не было.
– Вот как? – уставилась она в свою кружку. – Жаль.
– От него уже давно никаких вестей. Несколько лет, кажется. – Я немного поколебался и спросил: – Вам он тоже все это время не писал?

Она, так и глядя в кружку, покачала головой:

– Нет, ни единого словечка.

Я кивнул и снова огляделся в поисках Гава. Дженис Рэй по-прежнему изучала свою посудину. Никакая давка не помешала бы мне предложить ей пива, но ее кружка была полна. Я поймал себя на том, что сосу губы, втянув их между зубами. Часто так делаю, когда чувствую себя не в своей тарелке. Хоть бы тетя Дженис что-нибудь сказала... На худой конец, просто бы отошла. Она наконец подняла взгляд:

– Всегда чувствовала, что твой отец знает больше, чем говорит.

Я посмотрел ей в глаза.

– Правда?

– Да. Наверное, Рори как-то поддерживает с ним связь.

– Ну, я не знаю, – пожал я плечами. – Папа о нем упоминает как... – я хотел сказать «как о живом», но спохватился, – как будто знает, где сейчас дядя Рори.

Она вроде задумалась.

– Вот и я это чувствовала, когда там была, после того как Рори... уехал. А один раз даже...

Она снова покачала головой.

– Кажется, он хотел мне рассказать все, что знал, открыть тайну, но... В общем, ничего не сказал. – Она улыбнулась. – А как Лохгайр? Твои родители по-прежнему в том большом доме живут?

– По-прежнему, – подтвердил я, заметив наконец Гава: он пробирался через столпотворение, без остатка сосредоточившись на двух полных кружках, которые нес перед собой.

На лице Дженис Рэй появились ностальгические счастье и нежность, глаза чуть сузились, взгляд устремился куда-то в сторону.

– Хорошее местечко, – сказала она тихо. – У меня столько счастливых воспоминаний связано с этим домом...

– Да у нас у всех, наверное.

* * *

Дядя Рори познакомился с Дженис Рэй в Глазго, на какой-то литературной тусовке. Она была на десять лет старше, библиотекарьша, разведенка, имела десятилетнюю дочь по имени Мэрион. Жила с матерью, та присматривала за Мэрион, когда тетя Дженис была на работе. Я помнил, как они с дочерью впервые появились у нас в доме. Дядя Рори и раньше приводил

разных женщин, и я в конце концов стал их всех называть тетями, и Дженис так называл уже к концу первого уикенда, который они с дядей проводили на Лохгайре.

Несмотря на то что Мэрион была девочка и на пару лет старше меня, мы с ней сразу нашли общий язык. Льюис, тоже будучи старше меня на два года, вошел в ту неудобную возрастную фазу, когда не знаешь, обливать ли девочку презрением или угощать конфетами. Джеймсу, родившемуся на год позже меня, нравилось то же, что и мне, поэтому и Мэрион ему пришлось по душе. Ее приняли в Орду – так мой отец обобщенно и в высшей степени ласково прозвал компанию детей, которым он по Семейным Воскресеньям рассказывал всякие истории.

Семейное Воскресенье – это когда либо Макхоуны, либо Эрвиллы корчили из себя гостеприимных хозяев и принимали родственников плюс Боба и Луизу Уоттов. Тетя Луиза была урожденной Макхоун. Ее отец был братом Мэтью, моего деда по отцовской линии, и мужа бабушки Марго, сердце которой не выдержало лишь после того, как ушла в мир иной душа. Боб Уотт был братом Лахлана, который задразнил дядю Фергюса, когда тот спрятался в средневековой уборной, – задразнил до того, что произошло несчастье и Лахлан сделался четырехглазым, хоть и не носил очков. Боб Уотт никогда не приходил в Семейные Воскресенья, а тетя Луиза приходила, зачастую с густым макияжем, а порой и в темных очках. Но синяки все-таки проглядывали. А бывало кое-что похуже, она даже не пыталась это скрывать, и я припоминаю по меньшей мере два случая, когда она явилась с рукой на перевязи. Но тогда я не больно-то раздумывал об этом, лишь предположил, что тетя Луиза почему-то более хрупка, чем обычный человек, а может, она слишком неуклюжая.

А о том, что Боб Уотт лупит свою супругу, мне впоследствии рассказал Льюис. Я сначала не поверил, но Льюис убедил. Размышлял я над этим недолго, в конце концов, мало ли необъяснимых и глупых вещей делают люди? Например, ходят в оперу или смотрят по телику передачи для садоводов, и им это не кажется дурацкой тратой времени, хотя всем остальным кажется. Может, это у Уоттов родовая традиция, такая же, как у нас – Семейные Воскресенья, как то, что минимум один человек в каждом поколении нашей семьи управлял «Галланахским стеклом». Мама и тетя Дженис подружились, мама с папой были гораздо ближе по возрасту к тете Дженис, чем Рори, и они тоже были родителями, так что, пожалуй, удивляться этой дружбе не стоит. После, когда исчез дядя Рори, тетя Дженис и Мэрион все равно часто гостили у нас. Через год после того, как исчез Рори, Мэрион, которой тогда было около пятнадцати, завела меня в гараж, где стояла машина. Мы на великах катались по лесным дорогам в жаркий и пыльный сентябрьский день, а все остальные отправились в Галланах за покупками, кроме Льюиса – он играл в футбол. У Мэрион Рэй были такие же каштановые кудряшки, как и у ее матери. И круглое, пышущее здоровьем личико, мне оно тогда казалось очень хорошеньким. Да и весила Мэрион примерно столько же, сколько и я, ну, чуточку побольше.

Мы увидели остов старого сгоревшего автомобиля, брошенного в канаве среди холмов. Я что-то сказал насчет машины, стоявшей под чехлом в нашем гараже, и Мэрион изъявила желание ее увидеть.

Я до сих пор считаю, что был соблазнен; но и любопытство, очевидно, сыграло свою роль. Девочки меня тогда интересовали меньше, чем модели «Тысячелетнего сокола» и игрушечная гоночная трасса «Скейлстрик», но все же я успел разок-другой помастурбировать на пробу и вообще кое о чем задумывался. Поэтому, когда Мэрион, исследуя вместе со мной теплое и темное подбрзентовое пространство, вдруг со словами «Фу-у... до чего жарко!» принялась расстегивать блузку, я не сказал: «Нет, только не это!», и не дал деру, и не предложил выйти из тесного и душного гаража на свежий воздух.

Вместо этого я на нее подул.

Действительно, она взопрела, я видел влагу на груди, над узеньким белым лифчиком, – струйки сбегали меж белых девичьих выпуклостей. Мое дутье ей вроде понравилось: она легла на спину и закрыла глаза.

Помню, она спросила, не жарко ли мне, и пощупала мою ногу, и провела ладонью до бедра, а потом с удивлением – которое я уже тогда счел притворным – задала банальнейший вопрос: «Ой, что это?!» И рука ее при этом была в моих шортах. Мой ответ был не менее невинным, но не сохранился в памяти – то ли момент был слишком напряженным и голова соображала худо, то ли, уже задним числом, повлиял стыд. Не запомнились и многие другие детали того события. Однако я помню, как радовался, что все сложилось донельзя удачно, и старался не ударить в грязь лицом, и если бы наши взаимные толчки (смехотворно торопливые, как мне сейчас кажется) не сдвинули машину с подпорок, то чувство пребывания на высоте положения и почти интуитивное понимание, что надо делать, остались бы, наверное, самыми стойкими впечатлениями от того случая.

Но в самый пиковый момент, когда Мэрион начала выдавать особенно интересные звуки, под нами обрушилась машина.

Она с апокалиптическим грохотом ударилась о бетонный пол гаража. Едва ли важное в тот момент чувство симметрии заставило меня подумать, что не надо было нам укладываться на заднее сиденье, а лучше бы я примостился над коробкой передач, и тогда нижняя половина тела Мэрион была бы на мне, а верхняя – на заднем сиденье. Тогда бы «лагонда» не подалась назад, не соскользнула бы с деревянных брусьев, не врезалась бы багажником в штабель банок и канистр, не раздавила бы их о старый уэльский кухонный шкаф, сосланный в гараж несколько лет назад и набитый инструментами, запчастями и просто хламом, и не наклонила бы его так, что о восстановлении равновесия не могло уже идти и речи. С душераздирающим скрипом он кренился на машину, и хотя сам все-таки не упал, но зато щедро осыпал своим содержимым – красками, гаечными ключами, гайками, лампочками и тому подобным – прикрытые брезентом багажник, заднее стекло и крышу «лагонды».

Грохот был ужасающим и казался бесконечным. Я обмер от страха, челюсть отпала, оргазму – во всяком случае, моему – тут же пришел каюк, а какофония все сотрясала гараж, машину и мое тело. В салоне поднялась пыль, Мэрион оглушительно чихнула и почти вытолкнула меня из себя. По заднему стеклу ударило нечто тяжелое, и оно вмиг побелело, превратилось в микромозаику из фрагментиков.

Шум наконец прекратился. Я хотел предложить бегство – чем дальше от гаража мы окажемся в ближайшие минуты, тем больше у нас шансов остаться неразоблаченными, – но тут руки Мэрион стальной хваткой вцепились в мои ягодицы, она прижалась горячим, в струях пота лицом к моему лицу и прорычала слова, к которым мне – как и большинству мужчин, наверное, – пришлось впоследствии привыкнуть в похожих, хоть и не столь драматических ситуациях: «Не останавливайся!»

Спрашивается, отчего бы и не подчиниться? Но я в тот момент думал не о том, что делал. И это, возможно, тоже был прецедент.

У Мэрион, похоже, наступил оргазм – и совпал он с обрушением заднего окна. А может, и стал причиной этого обрушения. Нас обоих засыпало остроугольными стеклышками, они были зеленоватыми в брезентовом сумраке, смахивали на тусклые изумруды.

Мы какое-то время ничего не делали, только тяжело дышали, и вытряхивали из волос друг друга битое стекло, и нервно смеялись. Наконец приступили к непростой задаче: надо было одеться на заднем сиденье зачехленной и усыпанной битым стеклом машины.

Последние тряпки мы напяливали уже не в «лагонде», но внутри гаража. Заодно вытряхнули из одежды осколки. Мне хватило ума закинуть это крошево в салон и равномерно распределить по заднему сиденью, уничтожив на зеленой коже силуэт Мэрион (я с малой гордостью и большим страхом обнаружил там пятнышко, оставленное, скорее всего, не мною, а моей

партнершей, но с этим поделаться ничего было нельзя, только растереть носовым платком). Мы заперли гараж, вскочили на велики и покатали к холмам.

Лишь через неделю папа обнаружил в гараже картину бедствия. Но так и не выяснил, что именно произошло.

Льюис грозился рассказать ему, но тут я сам виноват: выболтал братцу по глупости. А потом я узнал, что Льюис и сам сношался с Мэрион, причем дважды – в предыдущие выходные, когда она к нам приезжала. Я сразу посулил, что стукану в полицию, – Льюис ведь старше, чем Мэрион, а значит, это дело подсудное, *рост лени не совершенно летний* (я смотрел по телевизору юридическую передачу). Льюис пообещал: если настучу, он все папе расскажет про машину... Вот так-то: я был совсем мальчишкой, а уже не поделил с братом бабу.

* * *

– Как я рад тебя видеть, Дженис! – Льюис пожал руку тете, а потом взял ее за локоток и поцеловал в щеку. – Ты должна позвонить Мэри и Кену, они наверняка обрадуются.

– Позвоню, – улыбнулась она и застегнула ворот куртки из перчаточной кожи.

Льюис повернулся ко мне:

– Ну что, братец, мы точно не можем тебя соблазнить?

– Точно, – ответил я. – Работы невпроворот. Развлекайтесь без меня.

– Да ладно тебе, чувак, –дохнул пивом Гав, после чего обнял рукой за плечи и стиснул так, что из меня едва не вылезли внутренности. – Еще ж совсем рано.

– Да, Гавин, время детское, но мне надо домой. Тебе тут как, понравилось?

– Ага, все в кайф.

– Такси! – выкрикнул Льюис.

Мы стояли на Байэс-роуд, у входа в бар «У Рандана», который должен был вскоре закрыться. Льюис, его приятель еще с университетской скамьи, девчонка – то ли подружка Льюиса, то ли нет – и Гав договорились ехать в какой-то кабак в центре города. Я отказался, Дженис тоже.

– Ладно, Прентис, на выходных увидимся. – Льюис выдержал паузу, в течение которой распахнул для подружки (или не подружки) дверь такси, затем шагнул ко мне и крепко обнял. – Рад был тебя видеть, младшой.

– Угу, береги себя, – похлопал я его по спине. – Всего наилучшего.

– Спасибо.

Они уехали, а мы с Дженис пошли по Байэс-роуд туда, где она оставила свою машину. Зарядил дождь.

– Пожалуй, не откажусь, если кто-то предложит меня подвезти, – сказал я.

– Нет проблем. – Она вынула из наплечной сумки маленький зонтик, раскрыла – дождь пошел пуще. Вручила зонтик мне: – Держи, ты все-таки повыше.

Взяла меня под руку, и нам пришлось наклониться друг к другу, чтобы хоть головы остались сухими под хлипким матерчатым блюдечком.

От нее пахло табачным дымом и духами «Наваждение». Мы с Гавом и тетей Дженис после представления нашли Льюиса – он устроил прием в маленькой гримуборной. Позже мы все спустились в бар, и Льюис объявил, что желает ужраться после закрытия. Дженис выпила пару бокалов какой-то шипучки и, похоже, нисколько не захмелела. Я решил, что не будет особого риска, если она меня подкинет до дома.

– Похоже, ты не в восторге от своего брата, – сказала она.

– Верное наблюдение, – ответил я. Мимо по Байэс-роуд с шумом проносились машины. – Иногда он мне действует на нервы.

– Я заметила, ты не очень охотно согласился, когда он тебя пригласил на выходные домой.

– Так не к себе же пригласил, а к отцу, – пожал я плечами. – Мы с отцом не разговариваем.

– Не разговариваете? – Похоже, она удивилась, а может, мои слова ее развеселили. –

Почему?

– Религиозные разногласия.

Это был мой стандартный ответ.

– О господи!

Мы повернули на Ратвен-стрит, прочь от ярких витрин магазинов и транспортного потока.

– Еще немножко осталось пройти, – сказала она.

– Где ты бросила тачку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.